

ТУРЕЦКО-КАТАРСКИЙ АЛЬЯНС В БОРЬБЕ ЗА РЕГИОНАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО*

Тимур Радикович Хайруллин
Институт Африки РАН

Андрей Витальевич Коротаев
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

Катарско-турецкий альянс, используя панарабскую сеть ассоциации «Братьев-мусульман» (БМ)¹, а также их идеологию в качестве инструмента в достижении региональной гегемонии, сумел добиться впечатляющих успехов в период Арабской весны 2011–2012 гг. После египетской революции 25 января 2011 г. этот союз преуспел в укреплении позиций «Братьев-мусульман», которые в конечном итоге пришли к власти в Египте в 2012 г. В Ливии Катар и Турция решительно поддержали восстание против М. Каддафи (катарский спецназ даже принимал участие в последнем штурме Триполи) и сумели перевести эту поддержку в очень значительный рост позиций ливийских «Братьев-мусульман» после убийства Каддафи. В частности, БМ добились доминирования во Всеобщем национальном конгрессе, избранном ливийцами в июле 2012 г. В Тунисе довольно близкому к «Братьям-мусульманам» движению «Ан-Нахда» удалось при финансовой поддержке Катара и Турции выиграть первые свободные выборы в октябре 2011 г. и сформировать правительство. Также Турции и Катару удалось обеспечить лидирующие позиции «Братьев-мусульман» в главном координационном центре сирийской оппозиции за пределами страны – Сирийском национальном совете, сформированном в августе 2011 г. в Стамбуле. При этом повстанческие группировки, поддерживае-

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

¹ Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – Прим. ред.

мые Турцией и Катаром, добились очень серьезных территориальных приобретений внутри Сирии. В Йемене силы, достаточно близкие к «Братьям-мусульманам», постепенно пришли к власти после отставки Али Абдаллы Салеха в ноябре 2011 г. Помимо этого, влияние Катара и Турции резко возросло в Палестине (в ущерб иранскому влиянию). В Марокко в ноябре 2011 г. премьер-министром был назначен Абделила Бенкиран, глава Партии справедливости и развития, идейно близкой возглавляемой Р. Т. Эрдоганом партии с идентичным названием, который также получал финансовую поддержку от Катара в виде благотворительных субсидий. В Иордании «Братья-мусульмане» возглавили акции протеста в 2011 г. и даже были приглашены королем в иорданский кабинет министров. Влияние катарского телеканала «Ал-Джазира» в 2011 г. чрезвычайно возросло, его трансляции сыграли большую роль в распространении цунами Арабской весны, а некоторые аналитики даже назвали арабские восстания «ал-джазировой революцией». Также в 2011 г. Катар предпринял (почти успешную) попытку добиться избрания своего министра иностранных дел Генеральным секретарем Лиги арабских государств. И последнее, но не менее важное: Катар в декабре 2010 г. выиграл право на проведение Чемпионата мира по футболу 2022 г., что стало дополнительным значимым активом в стремлении катарско-турецкого альянса к региональному лидерству (из-за чрезвычайной популярности футбола на Ближнем Востоке). Еще одним важным моментом является то, что к середине 2013 г. Катар и Турция добились поддержки «Братъев-мусульман» (особенно в Египте) со стороны США и Западной Европы. Отметим, что катарско-турецкий альянс оказался достаточно эффективным механизмом. Действительно, несмотря на огромный экономический, демографический и военный потенциал (сравнимый с Ираном, Саудовской Аравией или Египтом), Турция как неарабское государство вряд ли имела сколько-нибудь реальные шансы в одиночку достичь региональной гегемонии в преимущественно арабском регионе (кстати, это серьезное препятствие и для иранских усилий). С другой стороны, Катар, несмотря на его огромные финансовые ресурсы и арабскую идентичность, слишком мал, чтобы в одиночку предпринимать какие-либо серьезные попытки достичь региональной гегемонии.

Катар и Турция в 2010–2012 гг. довольно убедительно претендовали на региональную гегемонию, но только после того, как они объединили свои силы, добавив к этому огромный политический потенциал панарабской ассоциации «Братьев-мусульман».

Однако в 2013 г. Саудовской Аравии и ее союзникам удалось провести довольно успешное контрнаступление. Его центральным элементом стало свержение правительства «Братьев-мусульман» в Египте, осуществленное в союзе с египетскими военными и некоторыми другими внутренними египетскими и международными силами. В январе 2014 г., находясь под огромным давлением, «Ан-Нахда» была вынуждена уйти из правительства в Тунисе. В Ливии при поддержке Саудовской Аравии и ее союзников Халифа Хафтар начал в мае 2014 г. свою энергичную операцию «Достоинство», которая привела к резкому снижению влияния «Братьев-мусульман» (а следовательно, Турции и Катара) в этой стране. На «сирийском фронте» Саудовской Аравии удалось существенно сократить влияние «Братьев-мусульман» в Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил (которая заменила Сирийский национальный совет в качестве главного координационного центра оппозиции за пределами страны) и на какое-то время усилить влияние просаудовских группировок в Сирии. Влияние «Братьев-мусульман» в Иордании резко сократилось. Саудовская Аравия начала довольно успешное наступление на «Братьев-мусульман» во всем арабском мире (включая само КСА). В Йемене Саудовской Аравии и ее союзникам после 2014 г. удалось предотвратить установление контроля хуситов над этой страной и, хотя и заплатив за это очень высокую цену, установить свой контроль над более чем 50 % йеменской территории. В результате КСА добилось ослабления влияния в этой стране не только Ирана, но и Катара. На данный момент Саудовская Аравия, похоже, остается единственной ближневосточной державой, которая всерьез стремится к региональной гегемонии, но потенции турецко-катарско-ихванского альянса все-таки не стоит недооценивать.

Одним из претендентов на региональное лидерство в арабском регионе в настоящее время является турецко-катарский альянс, использующий в попытке добиться своей региональной гегемонии

исламистский проект «Братьев-мусульман». Поэтому данную статью имеет смысл начать с истории возникновения данного исламистского проекта.

Становление и развитие ихванского² проекта

Первоначально ассоциация «Братьев-мусульман» не носила политического характера и не стремилась к достижению власти, а имела образовательно-просветительский характер. Об этом говорит и деятельность основателя ассоциации Хасана ал-Банни, который был школьным учителем и мусульманским проповедником (Милославская 1982: 8). Занимаясь просветительской деятельностью, «Братья-мусульмане» пытались привить египетскому обществу идеи построения исламского государства, противопоставляя их идеям светским, насаждавшимся правительством Великобритании, под влиянием которого находилась египетская королевская администрация (Царегородцева 2011: 133). Само появление данной организации во многом было связано с реакцией на развал Османской империи как символа единства исламского мира и на британское вмешательство в дела Египта, продолжавшееся даже после обретения страной формальной независимости в 1922 г. (Grinin *et al.* 2018).

Внедряя в общественное сознание идеи исламского образа жизни, неприятие которого, по мнению ихванов, являлось причиной бедственного положения египетского населения, «Братья-мусульмане» делали акцент на конкретные действия, а не на простую пропаганду. Прежде всего это выражалось в благотворительности, налаживании религиозного образования и воспитания посредством содержания мечетей, школ и медпунктов (Царегородцева 2010: 33).

Несмотря на враждебное отношение властей, популярность «Братьев-мусульман» среди населения росла. Уже к концу 1940-х гг. ассоциация насчитывала от 500 тыс. до 2 млн членов, а также несколько филиалов в некоторых арабских странах (Мартынкин 2007:

---

² Напомним, что речь здесь идет о сторонниках зародившегося в Египте общественно-политического движения «Братья-мусульмане». Однако в историографии и востоковедческих исследованиях термин «ихваны» применялся и в отношении тех сил, с помощью которых, к примеру, пришел к власти дом Саудов (см., например: Васильев 1999).

122). Благодаря активным прозелитическим методам работы среди всех слоев египетского общества «Братья-мусульмане» стали одним из влиятельных полюсов силы на политической арене, угрожая тем самым достаточно светскому монархическому режиму.

Необходимо отметить, что со второй половины 30-х гг. к просветительно-благотворительной деятельности ассоциации стали добавляться черты политической организации (Васильев 2012: 3). Отметим, что, по словам самого ал-Банна, «политика – часть религии, ислам включает правителя и подданного... ислам не знает конфликта, который есть в Европе между духовным и мирским, между церковью и государством» (Ал-Банна 1951: 102–103). Для достижения политических целей «Братья-мусульмане» стали рассматривать не только пропагандистские, но и вооруженные методы борьбы. Во время Второй мировой войны в структуре организации появилось военное крыло. В дальнейшем ассоциация занимала непримиримую позицию в отношении арабо-израильского конфликта и не раз отправляла добровольцев из Египта и других арабских стран для участия в арабо-израильском противостоянии (Grinin *et al.* 2018: 87–88).

После революционных событий 23 июля 1953 г., в ходе которых организацией «Свободные офицеры» была свергнута власть короля, «Братья-мусульмане» на первых порах приветствовали новую власть, оказав ей определенную поддержку (Хамруш 1984: 7). Изначально «Свободные офицеры» были не против деятельности ассоциации «Братьев-мусульман», которые пользовались определенным авторитетом и влиянием в стране в силу их многочисленности и популярности среди широких масс населения. Поддержав новую власть, ассоциация потребовала от временно созданного Совета революционного командования политических привилегий. В ходе переговоров им удалось добиться поста министра вакуфов для своего представителя, а также политического иммунитета после декрета от 16 января 1953 г. «О запрете деятельности всех политических партий» (Мартынкин 2007: 122). Изначально правительство Насера вынуждено было считаться с популярностью и определенным авторитетом «Братьев-мусульман» в стране (Беляев, Примаков 1974: 47). Были даже пересмотрены некоторые уголовные дела в отношении членов ассоциации, что привело к освобождению многих из них (Царегородцева 2013а: 26).

Помимо этого, «Братья-мусульмане» требовали расширения сети мечетей и других религиозных заведений в стране с параллельным запретом «безнравственных» фильмов, танцев, журналов и т. п. (Абгарян 1986: 98). В январе 1953 г. они предложили создать специальный комитет, который бы рассматривал с точки зрения шариата и утверждал все законы до их издания (Ражбадинов 2004: 163). Однако чрезмерное требование политических преференций со стороны «Братьев-мусульман», а также несоответствие их идеологии умеренного исламизма идеям арабского национализма режима Г. А. Насера привели к обострению ситуации.

Военные последовательно уклонялись от принятия условий, навязываемых «Братьями-мусульманами». Новые разногласия случились, когда ассоциация отказалась войти в сформированную Г. А. Насером «Организацию освобождения», орган, который должен был стать доминирующей силой в стране (Zollner 2009: 31). Для «Братьев-мусульман» это означало бы утрату своей самостоятельности. Постепенно со стороны БМ усиливалась критика в адрес администрации Г. А. Насера.

Противостояние закончилось своей логической развязкой в 1954 г., когда произошли волнения в Каирском университете, организованные «Братьями-мусульманами» и поддержанные временным президентом М. Нагибом. «Лидер революции» Г. А. Насер опубликовал заявление, в котором обвинил «Братьев-мусульман» в связях с британским правительством. В результате БМ оказались за пределами официальной политики (Васильев 2011: 5). 14 января 1954 г. руководством страны было принято решение о роспуске ассоциации «Братья-мусульмане» и запрете ее деятельности на территории египетской республики (Он же 2018: 476; Игнатенко 1988: 8). В ходе репрессий одна часть ее сторонников, порядка 20 тысяч человек, была заключена под стражу, другая ушла в подполье, а многие бежали за границу, что, кстати, привело к активизации движения в других арабских странах (Там же).

Однако и в период жестких преследований со стороны правящего режима ассоциация продолжала вести благотворительную и просветительскую деятельность как среди населения, так и среди вооруженных сил республики. С другой стороны, начиная с конца 1950-х гг. лидеры «Братьев-мусульман» пытались расширить целе-

вую аудиторию своего движения в мусульманских общинах всего мира.

Отметим, что притеснения со стороны насеровского режима мобилизовали «Братьев» на поиск новых идей, оправдывающих методы борьбы с властью. Если раньше в кругах ассоциации преобладали умеренные идеи ал-Банна, то после репрессий Насера обрели популярность радикальные взгляды Сейида Кутба, которые впоследствии раскололи движение исламизма на противоборствующих сторонников радикального и умеренного толка (Васильев 2011: 6; Царегородцева 2013б: 101; Хизриев 2014: 237; Osman 2016: 260).

Идеи Кутба, имевшие популярность внутри ассоциации «Братья-мусульмане», стали также распространяться и среди части египетской молодежи. Еще одной причиной роста влияния радикального исламизма стало поражение Египта в арабо-израильской войне, которое заложило мину под идеологический фундамент национализма. Египетская молодежь выступала за возобновление военных действий против израильского государства и бунтовала против поражений. Так, в феврале 1968 г. произошли протестные выступления в городе Хелуан, которые вылились в волну манифестаций (Abdalla 2008; Al-Banna 1978). В этих волнениях принимали участие представители «Братьев-мусульман».

Внезапная смерть лидера революции Г. А. Насера и приход к власти А. Садата ознаменовались для БМ временем существенных послаблений (Примаков 1982: 70). В первую очередь это проявилось в освобождении многих активистов ассоциации из тюремного заключения и принятии новой конституции, в которой произошло расширение норм шариата по сравнению с предыдущими конституциями насеровского периода (Сапронова 2014: 38; Бабкин 2000). Помимо этого, в 1976 г. было возобновлено издание еженедельника «Призыв», который отстаивал создание в Египте исламского государства и использование норм шариата в национальном законодательстве (Исаев 2013а).

Однако, несмотря на попытки Садата пойти на примирение с «Братьями-мусульманами», они в 1979 г. жестко осудили египетско-израильский мирный договор и приняли непримиримую оппозиционную линию по отношению к режиму (Абгарян 1986: 117). В свою очередь Садат не замедлил обвинить исламистов в том, что

их представители агитировали население против действующей власти. В связи с этим исламистское движение в Египте вновь стало преследоваться.

С убийством Садата в 1981 г. исламистами и приходом к власти Хосни Мубарака гонения на «Братьев-мусульман» не прекратились. Однако, приспособившись к роли оппозиционной силы, они достаточно успешно вели нелегальную и полуполигальную деятельность. Несмотря на то, что официально деятельность «Братьев-мусульман» была запрещена, им разрешалось проводить мирные митинги, заниматься благотворительностью, в связи с чем БМ завоевали большую популярность у населения, укрепив свои позиции в профессиональных организациях различного толка (Левин 1986: 197). Создание партий религиозного толка было запрещено, но это не мешало ассоциации кооперироваться с другими партиями и выдвигать своих представителей в качестве независимых кандидатов в парламент страны.

Заметную эволюцию испытала в 1970-е – 2000-е гг. и идеология «Братьев-мусульман». Понимание того, что внесистемные методы являются сомнительными инструментами в борьбе за власть, пришло к членам ассоциации еще в 1960-е гг., после очередных репрессий со стороны режима Г. Насера и казни С. Кутба. Стало происходить постепенное размежевание на радикальный и умеренный лагеря. Во главе лагеря умеренных взглядов встал один из видных членов ассоциации Х. ал-Худайби, а также его последователи и сторонники У. Тильмисани, М. Машхур и т. д. (Царегородцева 2013а: 29).

Среди многочисленных рассуждений ал-Худайби приведем те, которые противопоставлялись радикальным положениям С. Кутба. В частности, ал-Худайби считал, что коллективное обвинение в неверии (*такфир*) невозможно, поскольку искренность намерений и веры каждого мусульманина может знать только он сам. Единственным видимым доказательством веры является произнесение шахады («Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммад – пророк Его»). Только тот человек, который отвергает Бога и отказывается подчиняться Его закону, выраженному в Коране и Сунне, сознательно свидетельствует о своем неверии, и только в этом случае умма может обвинить его в неверии (Там же: 55).

Помимо этого, ал-Худайби признавал правомерность свержения правителя, нарушившего закон. Однако, по его мнению, доказать это весьма нелегко, так как должна быть достигнута абсолютная уверенность в том, что правитель преднамеренно совершил свой поступок. Если такой уверенности нет, а и на деле, и на словах правитель демонстрирует обратное, то он не может быть отстранен от своих обязанностей (Ражбадинов 2006: 298). Рассуждения ал-Худайби продолжал У. Тильмисани, который считал, что исламское правление несовместимо с авторитаризмом и подавлением свободомыслия и совещательности, а аресты и пытки не могут осуществляться в политических целях (Halverson 2010: 68–73). На современном этапе эти мысли были дополнены идеями видного богослова и духовного лидера «Братьев-мусульман» Ю. ал-Кардави, который выступал за республику как идеальную форму государства. Уже в 2000-е гг. подавляющее большинство «Братьев-мусульман» в Египте (да и в большинстве других арабских стран) считало демократию «лучшей формой правления» (Мещерина и др. 2018; Inglehart 2007: 42; Rizzo *et al.* 2007; см. также, например: Chumley 2013).

Отметим, что достаточно новый подход был сформулирован лидером образованной «Братьями-мусульманами» Партии свободы и справедливости (ПСС) М. Мурси. Во время интервью Д. Виницкому, корреспонденту журнала «Азия и Африка сегодня», М. Мурси заявил, что общество сознательно и добровольно должно опираться на принципы ислама. ПСС является составной частью ассоциации и не подменяет ее, а лишь делает акцент на политической деятельности. По мнению М. Мурси, народ в исламе является источником власти, поэтому партия исповедует демократические принципы. Демократия в исламском понимании – это шура (совет). «Поэтому мы хотим настоящей свободы, источником которой будет ислам. Свобода – это одно из предписаний ислама (египтяне должны свободно выбирать правителя – это и есть демократия). Все должно строиться на основе шариата. Однако шариат – это система общих рамок жизни, в которой детали должны определять сами люди и превращать их в законы с помощью парламента» (Васильев, Петров 2012: 121).

Таким образом, в последние десятилетия «Братьям-мусульманам» удалось выработать своего рода идеологию «демократиче-

ского исламизма», значительно более приспособленную к современным реалиям и приемлемую для мирового сообщества, позволяющую им достаточно успешно участвовать в современной политической жизни.

В целом рассмотренный период для «Братьев» был успешным, несмотря на многочисленные запреты. Ассоциация «Братья-мусульмане» благодаря четко выстроенной программе и внутренней дисциплине стала транснациональным движением, вышедшим далеко за рамки египетской политической арены.

Различной степенью влияния в различные периоды своей истории ассоциация обладала в Ливии, Бахрейне, Ираке, Палестине, Катаре, Кувейте, Саудовской Аравии, Сирии, Объединенных Арабских Эмиратах, Йемене, Алжире, Мавритании, Марокко, Ливане, Тунисе, Иордании, Судане и других государствах арабского региона. Однако наибольших успехов в борьбе за власть «Братья-мусульмане» во второй половине XX в. (в те или иные периоды) добились в Сирии, Иордании и Судане. При этом за временем удач обычно следовали периоды отступлений (см., например: Новейшая... 1988; Крылов 2013: 117; Seale 1989; Kepel 2002; Shahzad 2003; Wright 2008; Fisk 2010; House 2012; Natsios 2012).

Помимо всего прочего, «Братья-мусульмане» способствовали возникновению таких политических организаций, как йеменский «Ислах», палестинский ХАМАС³, тунисская Партия возрождения, марокканская и турецкая Партия справедливости и развития, Национальный конгресс в Судане. «Братья-мусульмане» также активно участвовали в политике многих других стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Сближение Катара и «Братьев-мусульман»

Особые отношения у «Братьев» установились с Катаром. Они стали складываться в 50–60-е гг. XX в. в связи с тем, что в Египте начались массовые репрессии против исламистов, а это стимулировало их переселение в страны Залива, в том числе и в Катар. Так как важным направлением деятельности «Братьев-мусульман» было участие в развитии образования (и в особенности, естественно, ис-

---

³ Данные организации признаны террористическими Верховным судом РФ, их деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

ламского), то в катарском государстве они оказались востребованными в сфере образования, для развития которой у Катара собственных кадров не было (Ал-ахбар 2017). Однако в тот период исламисты не обладали серьезным влиянием в силу господствовавших в арабском регионе панарабских идей и тенденций. Все же для Катара, который стремился к самостоятельности (в том числе и к проведению внешней политики, независимой от внешней политики Саудовской Аравии), было выгодно привлечение членов «братства» в качестве образованных сотрудников для выполнения целого ряда ролей, от преподавания исламских исследований до создания формирующейся бюрократии и управления ею.

Немаловажную роль здесь сыграла фигура Юсуфа ал-Кардави, который в 1960 г. был принят на работу в Катар Абдуллой Бин Тукри ас-Субаем (главой отдела исламских наук департамента образования), отправившимся в ал-Азхар для приглашения в Катар на работу исламских учителей и должностных лиц (Roberts 2014: 86). Покинув Египет в 1961 г., Ю. ал-Кардави возглавил в Катаре обновленный религиозный институт, а впоследствии основал Колледж шариата в Университете Катара и стал его деканом. Близкий друг и современник ал-Кардави Ахмед ал-Ассаль прибыл в Катар в 1960 г. и, помимо преподавания в школах и чтения лекций в мечетях, помогал формировать на месте группы «Братьев-мусульман» (*Ibid.*). Помимо заполнения влиятельных мест в системе образования, на протяжении многих лет эти люди использовали свои позиции, чтобы приглашать видных представителей «Братьев-мусульман» в Катар для чтения различных лекций. В числе известных лекторов были Мухаммед Кутб (брат Сейида Кутба), Мухаммед ал-Газзали и Абдул-Вафа ат-Тафтазани. При этом Д. Робертс отмечает, что прием видных представителей «Братьев-мусульман» позволил Катару несколько повысить свой региональный статус (Roberts 2014: 89).

Также на формирование дружеских отношений между Катаром и «Братями-мусульманами» повлияли в заметной степени личные связи некоторых руководителей «Братьев» с эмиром Хамадом бин Халифой Ал-Тани⁴, проявлявшим симпатии к их умеренной интерпретации политического ислама, несмотря на господствующую

---

⁴ Годы правления: 1995–2013.

во всем Заливе салафитскую саудовскую версию исламизма (Roberts 2014: 87).

При этом Катар ограничивал институциональные возможности, имеющиеся у религиозных ученых «Братьев-мусульман» любого профиля, для оказания влияния внутри самого Катара, поощряя вместе с тем деятельность «Братьев» по распространению своих идей за пределами катарского государства (Baskan, Wright 2011: 97). Неудивительно, что БМ с начала 1960-х гг. стали использовать Катар в качестве плацдарма для экспансии в другие страны арабского региона. В дальнейшем эффективным инструментом для такого рода экспансии послужил телеканал «Ал-Джазира», который начиная с 1996 г. стал для ал-Кардави очень эффективной агитационной платформой. Как отмечает Д. Робертс, результаты развития связей между Катаром и «Братьями-мусульманами» действительно стали ясны после начала Арабской весны, «когда очень большое число контактов, налаженных Катаром за несколько десятилетий, дало эмирату возможность в течение определенного времени эффективно вмешиваться в события в разных концах региона» (Roberts 2014: 87).

Сближение Катара и Турции

Развитию катарско-турецких отношений способствовало сотрудничество каждой из сторон с египетскими «Братьями-мусульманами», а также совместное использование ими таких версий идеологии умеренного исламизма, которые были крайне близкими к ихванским.

Совместные катарско-турецкие усилия по укреплению лидерских позиций в арабском регионе, особенно в египетском, ливийском кризисе, а также в сирийской гражданской войне (см. подробнее ниже) привели к тому, что их отношения могут быть охарактеризованы как альянс (Al-Haj 2015).

Однако корни сближения Катара и Турции уходят достаточно глубоко в прошлое. По словам посла Катара в Турции Салема Бин Мубарака аш-Шафи, «Катар и Турция имеют исторические связи, основанные на братстве и взаимопонимании, которые получили свое дальнейшее развитие в 2000-е гг. и достигли после 2011 г. уровня гармонизации и координации благодаря мудрости руководства двух стран» (Ünal 2014).

Уже на следующий год после получения Катаром независимости, в 1972 г. государство Катар и Турецкая Республика установили дипломатические отношения на уровне послов. Позже, в 1979 г., катарское правительство открыло в Анкаре свое посольство, в том же году турецкое посольство было открыто в Дохе. В 1980-х гг. два государства начали подписывать двусторонние соглашения, которые с каждым годом стали набирать обороты. К примеру, свой первый договор о техническом и экономическом сотрудничестве Катар и Турция подписали в 1985 г., а затем еще пять – в 2001 г., незадолго до прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. (Viala 2017). Важную роль в укреплении отношений между странами сыграла деятельность «Братьев-мусульман», которая выражалась в установлении тесных контактов с исламистами как Катара, так и Турции. Впоследствии умеренный исламизм «Братьев-мусульман» стал крепкой идеологической основой в выстраивании общей внешнеполитической линии турецкого и катарского правительств.

Очень серьезные попытки сближения с Турцией были предприняты Катаром еще до прихода к власти ПСР и Р. Т. Эрдогана. Связано это во многом было с обострением в 1990-е гг. саудовско-катарских отношений.

Как отмечает М. Йаги, «в 1992 г. между Катаром и Саудовской Аравией произошли военные стычки из-за пограничного спора между двумя странами. По словам бывшего министра иностранных дел Катара Шейха Хамада бен Джасима Аль Тани, удержало саудовцев от вторжения в Катар только вмешательство американцев. Шейх Хамад бен Джасим вспомнил эти моменты в записанном телефонном разговоре с М. Каддафи, свергнутым президентом Ливии. Он сказал: “Мой двоюродный брат Шейх Хамад и я были на границе с нашими солдатами. Мы поклялись, что либо умрем, либо будем жить, защищая нашу страну”. Он также сказал, что военное вмешательство Саудовской Аравии “открыло нам глаза на то, что мы никогда не сможем доверять саудовцам”. Кроме того, в 1995 г. Шейх Хамад бин Халифа Ал-Тани организовал мирный переворот против правящего эмира, своего отца, когда тот находился за границей. Его отец стремился вернуться на свое место с помощью Саудовской Аравии и ОАЭ. По словам Шейха Хамада бен Джасима, саудовская монархия и ОАЭ организовали при поддержке Египта

военный переворот, который не смог достичь своих целей, потому что о нем стало известно за одну ночь до запланированной даты его начала (Шейх Хамад, 14 мая 2014 г.). Попытка саудовцев вторгнуться в Катар в 1992 г. и неудавшаяся попытка свергнуть Шейха Хамада в 1995 г. нанесли психологические травмы катарской правящей семье. Для них Саудовская Аравия стала главной угрозой их безопасности» (Yaghi 2018: 12). Это заставило Катар искать себе союзников на Ближнем Востоке за пределами Залива.

Визит катарского эмира Хамада бин Халифы Ал-Тани в Турцию 25–26 декабря 2001 г. проложил путь к созданию правовой основы экономического и военного сотрудничества путем подписания ряда протоколов. Эти протоколы включали Соглашение о предотвращении двойного налогообложения (Basaran 2014), Соглашение о взаимном поощрении и защите инвестиций (Agreement 2001), Соглашение о сотрудничестве в военной области (OSCE 2010). Уже в июле 2002 г. Катар и Турция подписали соглашение о сотрудничестве в области военной подготовки, а также меморандум о взаимопонимании в области оборонной промышленности (Al-Narmi 2015).

Однако реальное превращение Катара и Турции в стратегических партнеров началось после прихода к власти в последней близкой в «Братьям-мусульманам» исламистской ПСР во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом. Но первое время ПСР пыталась не афишировать свою тесную связь и близость с «Братьями-мусульманами» и Катаром (главным покровителем БМ в этот период времени), чтобы предстать в качестве центристской политической силы в глазах электората и секуляристского истеблишмента, особенно судебного и военного. В свой первый срок пребывания во главе турецкого правительства Р. Т. Эрдоган был сосредоточен в большей степени на вступлении Турции в ЕС, стабилизации отношений с США и дальнейшей интеграции в мировую экономику.

Деятельность Р. Т. Эрдогана в направлении сближения с Катаром и «Братьями-мусульманами» заметно активизировалась после убедительной победы ПСР на парламентских выборах 2007 г. После открытия в 2008 г. в Стамбуле Генерального консульства государства Катар визиты на уровне глав государств и министров перешли на качественно новый уровень (Ministry of Foreign Affairs 2018). Это подтверждают официальные визиты в феврале и апреле

2008 г. в Катар президента Турции Абдуллы Гюля в сопровождении министра финансов, министра энергетики, министра общественных работ и урегулирования и большой группы бизнесменов. Помимо этого, премьер-министр Турции Р. Т. Эрдоган также посетил Катар в апреле 2008 г. и выступил с ключевой речью на Дохинском форуме по вопросам демократии, развития и свободной торговли, после чего провел переговоры с эмиром Катара, премьер-министром и министром иностранных дел относительно экономических соглашений (Today's Zaman 2008). В 2008 г. министр иностранных дел и премьер-министр Катара совершили ответные визиты в Турцию, в ходе которых состоялся 1-й турецко-катарский бизнес-форум (Ministry of Foreign Affairs 2018). В том же году министр иностранных дел Турции Али Бабакаан посетил Катар для участия в качестве основного докладчика в Американско-исламском всемирном форуме, организованном катарским министерством иностранных дел и американским Институтом Брукингса, а также для проведения двусторонней встречи с премьер-министром и министром иностранных дел Шейхом Хамадом бин Джасимом Ал-Тани (Qatar Conferences 2008).

Совместная поддержка Катаром и Турцией родственной «Братьям-мусульманам» палестинской организации ХАМАС также способствовала укреплению альянса. В 2007 г. Катар вместе с Турцией были единственными странами, поддержавшими ХАМАС после того, как группа вытеснила ФАТХ из сектора Газа (Gidda 2014). Отношения между ХАМАС и Катаром укрепились в 2008 и 2009 гг., когда Халед Машаль был приглашен на саммит в Доху. Во время саммита Катар объявил, что он пожертвует 250 миллионов долларов на возмещение ущерба, нанесенного израильскими ударами по Газе. Катар назвал блокаду Газы несправедливой и аморальной, что побудило правительство ХАМАС в Газе, включая бывшего премьер-министра Исмаила Ханию, поблагодарить его за «безоговорочную» поддержку. Эти действия способствовали превращению Катара в важного игрока в палестинском вопросе. В последующем катарское правительство стало регулярно оказывать политическую, материальную, гуманитарную и благотворительную поддержку ХАМАС (Amer 2013).

В свою очередь, после израильских бомбардировок сектора Газа Турция заняла выраженную антиизраильскую позицию и еще

больше сблизилась с «Братьями-мусульманами», ХАМАС и Катаром. Одна из целей режима Р. Т. Эрдогана, по всей видимости, состояла здесь в том, чтобы компенсировать относительное бездействие светских авторитарных режимов в этом регионе по палестинскому вопросу и продемонстрировать там свою лидирующую роль.

Продолжавшуюся блокаду сектора Газа Израилем Турция намеревалась прорвать, направив в 2010 г. шесть кораблей с гуманитарной помощью, названных «флотилией свободы». Однако 31 мая 2010 г. в международных водах Средиземного моря флотилия подверглась нападению со стороны израильских военных сил, в результате чего погибли несколько человек. Затем последовало широкомасштабное международное осуждение действий Израиля. Турецкое правительство крайне болезненно отреагировало на данный инцидент и потребовало от израильской стороны снять блокаду сектора Газа. Впоследствии блокада Газы была ослаблена (Sherwood 2010).

Линия по поддержке палестинцев Газы также служила важной внутренней цели укрепления популярности ПСР в преддверии всеобщих выборов 2011 г., когда эта партия использовала палестинский вопрос для того, чтобы обвинять оппозицию в произраильских взглядах, особенно во внутренних дебатах по поводу «флотилии свободы».

Турецкая сеть «Братьев-мусульман» также сыграла важную роль в оказании поддержки флотилии в Газе посредством заявлений и пресс-конференций. Один из ее наиболее важных лидеров Ахмет Унсал находился на борту флотилии. Кроме того, турецкие «Братья» были в постоянном контакте с лидерами ХАМАС, а также с известным богословом и духовным лидером «Братьев-мусульман» Ю. ал-Кардави, который занимался сбором средств для ХАМАС (Merley 2011: 9).

Ряд наблюдателей обратил внимание на формирование катарско-турецкого альянса еще до начала Арабской весны. Так, К. Б. Канат еще в 2010 г. писал: «Одним из самых значительных событий последних лет стало сближение между Турцией и Катаром. Помимо обменов на высоком уровне, Турция и Катар активизировали свое экономическое сотрудничество, которое впоследствии перешло в области энергетики, безопасности и внеш-

ней политики. Помимо увеличения объемов торгово-экономического сотрудничества, стороны также договорились о создании комитета по энергетическому сотрудничеству. Кроме того, Турция и Катар также сыграли активную роль в разрешении региональных споров, в том числе конфликта между Сирией и Израилем» (Kanat 2010: 211).

В свою очередь, идеологическое родство между «Братьями-мусульманами» и турецкой Партией справедливости и развития (ПСР) также уходит корнями в 1960-е гг. XX в. «Братья» установили контакт с Неджметтином Эрбаканом, который в 1969 г. основал турецкое отделение «Братьев-мусульман» – «Милли Геруш», развившееся во влиятельное религиозно-политическое движение (Kader 2013). На базе «Милли Геруш» образовался ряд исламистских партий, вдохновленных Эрбаканом. Эти партии сменяли друг друга, поскольку они систематически запрещались за нарушение светского законодательства Турции. Так, одной из первых исламистских партий, вышедших из этого движения, была Партия национального порядка, основанная 26 января 1970 г. Н. Эрбаканом. В тот период Р. Т. Эрдоган, будучи советником Н. Эрбакана, а также главой молодежной ячейки Партии национального порядка, впервые установил контакты с представителем «Братьев-мусульман» Кемалем ал-Хелбави на серии конференций, организованных Всемирной ассамблеей мусульманской молодежи (Merley 2011: 8). Однако 20 мая 1971 г. власти запретили эту партию на том основании, что она нарушила статьи конституции, касающиеся секуляризма (Uslu 2003: 50). Уже 11 октября 1972 г. была основана исламистская Партия национального спасения (которую вновь возглавил Н. Эрбакан) в качестве преемника запрещенной Партии национального порядка. Несмотря на свою популярность и успехи на выборах (в 1973 г. она получила 48 мест в Великом национальном собрании Турции, а в 1977 г. – 24 места), партия была запрещена после военного переворота 1980 г. (Atacan 2005: 191). Ее сменила основанная в 1983 г. исламистская Партия благоденствия, во главе которой утвердились Али Тюркмен, Ахмед Текдал и Неджметтин Эрбакан. Данная партия стала наследницей двух предыдущих, Партии национального порядка и Партии национального спасения, которые были запрещены властями.

В декабре 1995 г. Партия благоденствия вышла на первое место на парламентских выборах и получила возможность сформировать правительство во главе с Н. Эрбаканом. Отметим, что в съездах Партии благоденствия в 1993 и 1996 гг. принимали участие представители «Братьев-мусульман» как из Египта, так и из Туниса (Yağın 2012). На протяжении всей своей политической карьеры Н. Эрбакан и Р. Т. Эрдоган поддерживали рабочие отношения с глобальной сетью «Братьев-мусульман». В 1990-х гг. Эрбакан начал серию исламистских конвенций, целью которых было собрать лидеров Ассоциации из регионов Ближнего Востока и Северной Африки, чтобы противостоять западному влиянию в регионе (Erlanger 1996).

В 1997 г. Н. Эрбакан был отстранен от власти турецкими военными. Дело шло и к запрету Партии благоденствия. 17 декабря 1997 г. членами предыдущих исламистских партий была создана Партия добродетели, в программе которой были усилены пункты о ее приверженности демократии. Однако и эта партия, а также ее члены нередко обвинялись в нарушении секулярных статей конституции Турции. 22 июня 2001 г. по тем же причинам, что и Партия благосостояния, она была признана Конституционным судом неконституционной и запрещена (Atacan 2005: 188). После запрета Партии добродетели раскол, который развивался в движении, привел к тому, что ее место заняли две партии – Партия счастья, представляющая старую гвардию Н. Эрбакана, и Партия справедливости и развития (ПСР), возглавляемая более молодыми и более прагматичными политиками, сгруппировавшимися вокруг Р. Т. Эрдогана. При этом важно отметить, что с момента своего создания ПСР рассматривала себя как часть более широкой сети исламистских движений.

Как уже говорилось, во время первого премьерского срока Р. Т. Эрдогана ПСР старалась не афишировать свои связи с «Братьями-мусульманами». Ситуация изменилась после всеобщих выборов 2007 г., когда ПСР усилила свои позиции. Партия стала укреплять свои связи с «Братьями-мусульманами». Фактически, по мере того как арабский регион все больше становился важным ориентиром во внешней политике Турции, отношения с «Братьями-мусульманами» стали занимать все более значительное место.

С середины 2000-х гг. ПСР значительно активизирует контакты с панарабской сетью «Братьев-мусульман». С. Г. Мерли даже утверждает, что с 2006 г. Турция стала новым центром транснационального движения «Братья-мусульмане» (Merley 2011: 17). В качестве доказательств он приводит проведение не менее десяти международных конференций «Братьев-мусульман» в Стамбуле в 2006 г. Так, 1–2 июля 2006 г. там состоялась конференция БМ под названием «Конференция мусульман Европы». В состав руководящего комитета конференции, организованной при поддержке Министерства иностранных дел и по делам Содружества Великобритании, вошли такие важные лидеры ассоциации, как руководитель германских «Братьев-мусульман» Ибрагим Эль-Заят, глава французских «Братьев» Фуад Алауи, тунисский духовный лидер Рашид Ганнуши и бывший заместитель премьер-министра Малайзии Анвар Ибрагим (Muslims of Europe Conference 2006). Некоторые из конференций были сосредоточены исключительно на проблемах Палестины и сектора Газа и носили такие названия, как «Всемирная народная конференция в поддержку Палестины» (Merley 2011: 17). Активное участие в такого рода конференциях принимал проживающий в Катаре известный богослов и духовный лидер «Братьев-мусульман» Ю. ал-Кардави, который в июле 2006 г. возглавил прошедшую в Стамбуле вторую Генеральную ассамблею Международного союза мусульманских ученых (*Ibid.*: 46). Частые визиты Ю. ал-Кардави в Турцию подчеркивают тесные контакты исламистской ПСР не только с «Братями-мусульманами», но и с Катаром. Таким образом, уже за несколько лет до начала событий Арабской весны мы видим формирование достаточно четких контуров катарско-турецко-ихванской политической оси.

Активное сотрудничество катарско-турецкого альянса с «Братями-мусульманами», а также использование их идеологии умеренного исламизма в качестве инструмента позволило Турции и Катару претендовать на роль региональных лидеров.

Ихванский проект как инструмент в руках Катара и Турции по достижению лидерских позиций в арабском регионе

Совместное стремление Катара и Турции занять лидирующие позиции в арабском регионе проявилось в период Арабской весны, когда в 2011–2012 гг. этим странам (в союзе с «Братями-мусуль-

манами») удалось на время добиться очень серьезных успехов в борьбе за региональное лидерство. Претензии Катара на региональное лидерство были бы абсолютно несерьезными, если бы он действовал в одиночку. Значительно более весомыми эти претензии стали тогда, когда Катар начал сотрудничать с Турцией. Альянс этот оказался крайне взаимовыгодным. С одной стороны, в союзе с таким могущественным государством, как Турция, сопоставимым по своей мощи с Саудовской Аравией и Ираном, Катар оказался действительно серьезной силой. С другой стороны, Турция в одиночку не имела шансов на гегемонию в арабском мире хотя бы в силу этнического фактора. Именно в союзе с Катаром ей удалось достаточно убедительно претендовать на региональное лидерство.

Более того, успехи египетских «Братьев-мусульман» позволили катарско-турецкому альянсу сформировать политическую ось Катар – Турция – «Братья-мусульмане», в которой последние стали получать значительную финансовую и дипломатическую помощь от этих двух стран.

Отметим, что в период правления Х. Мубарака и до его свержения в 2011 г. популярность исламистского движения в стране постоянно росла. Об этом говорят результаты парламентских выборов и рост исламистских группировок различного толка. Реакция со стороны властей, заметивших усиление исламистского движения в стране (особенно во второй половине 2000-х гг.), проявлялась в ужесточении репрессий в отношении участников движения.

После очередных парламентских выборов 2010 г. правящая Национальная демократическая партия Египта получила 209 из 221 места. В свою очередь «Братья-мусульмане», крупнейшая оппозиционная группа страны, в результате предвыборных махинаций получила лишь одно место вместо 88 в парламенте предыдущего созыва (Al Jazeera 2010). Выборы были объявлены оппозицией сфальсифицированными (в конце 2010 г. в судах Египта скопилось 1560 апелляций по 486 избирательным округам) (Беляков 2013: 72). Можно сказать, что в ноябре – декабре 2010 г. египетские власти грубо нарушили неформальные правила игры с «Братьями-мусульманами», когда в результате особо масштабных фальсификаций им удалось почти полностью заблокировать проведение БМ своих представителей в египетский парламент. В результате, лишив «Братьев» возможности осуществлять политическую дея-

тельность легально, египетские власти фактически «вывели» их на Тахрир, заставили перейти от легальной (и полулегальной) оппозиционной деятельности к нелегальной. В свою очередь, присоединение к протестам «Братьев-мусульман» (с их колоссальным практическим опытом организационной работы) придало волнениям несравненно больший размах и организованность (см., например: Гринин и др. 2016: 55–56).

Революционные события, известные как Арабская весна, начавшиеся в 2011 г. во многих странах арабского региона, внесли существенные коррективы в политический ландшафт региона. Большинство стран Арабского региона подверглось попыткам изменения или даже радикального слома политической системы (Малков и др. 2013; Хайруллин 2017: 118; Grinin, Korotayev 2012; Korotayev *et al.* 2013; 2014). Помимо изменения внутреннего облика политических режимов, произошла перестройка и внешнеполитической ориентации, оказавшей существенное влияние на международные отношения в регионе. При этом Саудовская Аравия оказалась застигнута событиями Арабской весны врасплох, в то время как турецко-катарско-ихванский альянс смог их использовать в борьбе за региональную гегемонию в высшей степени эффективно.

В ходе событий Арабской весны, в особенности после падения режима Х. Мубарака, Турция и Катар все больше пытались влиять на развитие ситуации в Египте. Так, президент Турции Абдулла Гюль был первым главой государства, посетившим Египет в 2011 г. после свержения Х. Мубарака. Имеется информация, что уже в марте 2011 г. выдвигавшийся в 2012 г. кандидатом в президенты от египетского мусульманского братства Хаират аш-Шатер отправился в Доху для координации между «Братьями», Партией свободы и справедливости (политическим крылом движения в Египте) и Катаром в предстоящий период, так как именно катарцы стремились повлиять на исход первых демократических выборов в Египте после падения режима Х. Мубарака (Cafiero, Wagner 2016). Помимо этого, правящая в Турции исламистская ПСР направила своих экспертов и советников по избирательной кампании для оказания помощи М. Мурси и «Братьям-мусульманам» в египетских выборах в 2012 г. (Senem 2014).

В результате победы на президентских выборах 2012 г. к власти в Египте фактически пришли «Братья-мусульмане» во главе с Му-

хаммедом Мурси. С приходом к власти «Братья-мусульмане» столкнулись в первую очередь с необходимостью разрешения накопившихся социально-экономических проблем. Поэтому на внешней арене исламистский Египет ориентировался прежде всего на привлечение в страну финансовых ресурсов и не представлял из себя игрока, стремящегося к региональной гегемонии. В свою очередь, катарско-турецкий альянс стал активно использовать временный подъем «Братьев-мусульман» и их идеологию умеренного исламизма как инструмент укрепления собственных позиций в регионе. С приходом к власти в Египте «Братьев-мусульман» Турция и Катар начали предоставлять стране большую политическую, финансовую и техническую поддержку.

Будучи первой арабской страной, признавшей легитимность свержения Х. Мубарака и приход к власти «Братьев-мусульман» (Henderson 2013a), Катар оказал финансовую помощь Египту в размещении депозитов на сумму 2,5 млрд долларов с августа 2012 г., после того как М. Мурси выиграл первые свободные президентские выборы в стране. Премьер-министр Катара Шейх Хамад бен Джасим Ал-Тани заявил, что его страна предоставит Каиру дополнительные 2 млрд долларов и перечислит еще 500 млн долларов прямых дотаций, доведя свою общую помощь до 5 млрд долларов. Помимо этого, Катар обещал инвестировать 18 млрд долларов в Египет в течение следующих пяти лет, а его компания *QInvest* перешла к покупке контрольного пакета акций крупнейшего инвестиционного банка Египта – *EFG Hermes* (The New York Times 2013).

Видя в египетских «Братьях-мусульманах» стратегического партнера, Турция сразу после падения режима Х. Мубарака обязалась предоставить Египту помощь в целях развития на сумму 2 млрд долларов, а также организовала поставки технического оборудования для решения проблем, связанных с коммунальным хозяйством. Объем товарооборота между двумя странами в 2012 г. достиг максимального значения в 5 млрд долларов США (Aydin-Duzgit 2014).

В свою очередь М. Мурси и лидер ХАМАС Х. Машаль приняли участие в съезде ПСР в 2012 г., где египетский лидер выступил с речью, поблагодарив турецкое правительство за поддержку во время восстания на площади Тахрир. В период нахождения египетских

исламистов у власти произошел взаимный обмен визитами между М. Мурси и Р. Эрдоганом, после чего было подписано 27 двусторонних соглашений в области торговли, транспорта и полицейского сотрудничества (Aydin-Duzgit 2014).

Финансово-экономическое положение Египта, резко ухудшившееся после падения в январе – феврале 2011 г. режима Х. Мубарака, весь период правления «Братьев-мусульман» оставалось очень непростым (Исаев, Коротаев 2014; Васильев и др. 2014: 2; Korotayev *et al.* 2016). Существенную помощь в данной ситуации оказал Катар, который поддержал администрацию М. Мурси щедрыми дотациями и кредитами на общую сумму около 8 млрд долларов (Henderson 2013a). В частности, Катар осуществил финансовую помощь Египту в размере 3 млрд долларов после визита делегации «Братьев-мусульман» в Доху в апреле 2013 г., обеспечив тем самым на какое-то время рост золотовалютных резервов египетской республики. Отметим, что в период с 2005 по 2010 г. (кроме временного спада в 2009 г. из-за финансового кризиса) наблюдался рост уровня золотовалютных резервов, который достиг своего максимума в 36,04 млрд долларов накануне революции 2011 г. Однако с начавшимися революционными событиями Арабской весны 2011 г. золотовалютные резервы страны стали стремительно сокращаться, достигнув своего минимума в 13,42 млрд долларов к марту 2013 г. (Васильев, Виницкий 2014: 5; Исаев, Коротаев 2014: 18).

В июне 2013 г. Саудовская Аравия и ее союзники перешли в открытое контрнаступление в Египте против турецко-катарско-ихванского блока. На политическую авансцену вышли египетские военные во главе с генералом Абдул-Фаттахом Халилом ас-Сиси. За ними стояла Саудовская Аравия и ее союзники из Залива – совместно с египетскими военными и экономическими элитами, египетскими салафитами, а также египетскими спецслужбами (которые при поддержке либеральных контрэлит смогли организовать «народную поддержку» военному перевороту) они добились свержения режима М. Мурси. Экономическая и военная элита страны пошла на откровенный сговор и устроила саботаж, организовав перебои поставок электроэнергии и бензина, которые вызвали массовое недовольство и облегчили военным, сотрудничавшим с ними спецслужбам и созданной последними молодежной организации «Тамарруд» при поддержке введенных ими в заблуждение либе-

ральных и левацких контрэлит организацию массовых демонстраций и протестов, легитимизировавших захват власти и позволивших последним позиционировать переворот как «народную революцию 30 июня» (см., например: Ketchley 2017).

После переворота 3 июля 2013 г. ситуация заметно улучшилась, и это также может служить подтверждением того, что в июне перебои с поставками топлива и электроэнергии были связаны с прямым саботажем участвовавших в заговоре бизнесменов, а также свидетельствует о высоком уровне спланированности и скоординированности событий, приведших к отставке президента М. Мурси.

В подтверждение данной точки зрения может говорить и тот факт, что после свержения М. Мурси пост исполняющего обязанности премьер-министра достался Хазему ал-Баблауи. Будучи юристом по образованию, он начинал свою карьеру в качестве советника министра финансов Кувейта в 1970-х гг., а десять лет перед событиями Арабской весны работал советником в Арабском валютном фонде в Дубае. Не исключено, что достижение договоренности о предоставлении Египту займа по линии данной организации было во многом его заслугой, в обмен на которую он и получил пост премьера. Нельзя исключать и того, что назначение хорошо знакомого финансовым структурам Залива ал-Баблауи на пост премьера (или вице-премьера) в том правительстве, которое планировалось поставить у власти после переворота, было одним из условий гарантий предоставления путчистам нескольких миллиардов долларов непосредственно после июльской «революции».

Сразу же после свержения М. Мурси и его ареста Саудовская Аравия, Кувейт и ОАЭ заявили о предоставлении финансовой помощи Египту в размере 12 млрд долларов США, большая часть из них – 5 млрд – поступила от Эр-Рияда, 4 млрд – от Эль-Кувейта и на 1 млрд меньше – из ОАЭ. При этом финансирование осуществлялось тремя путями: посредством размещения депозитов в египетском Центральном банке, в форме поставки энергопродуктов, а также посредством прямых денежных переводов (Ben Flanagan 2013).

Отметим, что, как правило, от принятия принципиального решения о выделении займов со стороны международных финансовых организаций до актуального поступления денег на счета заемщика проходит очень заметный промежуток времени, обычно исчисляемый месяцами. Между тем уже в июле золотовалютные ре-

зервы Египта выросли почти на четыре миллиарда долларов (см., например: Исаев, Коротаев 2014; Korotayev *et al.* 2016). Таким образом, уже в июле Египет получил очень заметную часть из обещанного Саудовской Аравией, Кувейтом и ОАЭ. Это говорит о том, что принципиальное соглашение о выделении этих средств путчистам было достигнуто (по всей видимости, не без участия Хазема ал-Баблауи) еще до переворота 3 июля. По-видимому, получение 23–24 июня 2013 г. информации о достижении этой договоренности и привело к началу роста котировок на Каирской фондовой бирже еще за несколько дней до начала переворота (Исаев, Коротаев 2014). Данная финансовая помощь позволила ас-Сиси удержаться у власти, но превратила Египет в зависимое от Саудовской Аравии государство (впрочем, на момент начала переворота 2013 г. Египет уже успел попасть в зависимость от катарско-турецкого альянса).

Таким образом, летом 2013 г. Саудовской Аравии и ее союзникам удалось нанести на египетской почве самое серьезное поражение катарско-турецкому альянсу, что знаменовало собой (как мы увидим ниже) начало саудовского контрнаступления после предпринятой катарско-турецким блоком на волне Арабской весны достаточно впечатляющей попытки добиться регионального лидерства. Египетским военным и его саудовским союзникам удалось в июне 2013 г. сформировать исключительно широкий фронт, успешно лишивший власти правительство «Братьев-мусульман». Этот фронт включил в себя весьма противоречивые силы вроде националистов, либералов, египетских левых (вплоть до троцкистов), салафитов, а также экономические элиты, которые благодаря умело организованному саботажу смогли вывести на улицу массы рядовых египтян, недовольных перебоями с электричеством и бензином (Исаев, Коротаев 2014; Коротаев, Исаев 2014; Korotayev *et al.* 2016; Ketchley 2017). Кроме того, летом 2013 г. против поддерживаемого турецко-катарским альянсом правительства М. Мурси единым фронтом выступили Саудовская Аравия и Израиль, чье лобби в Соединенных Штатах предприняло чрезвычайные усилия для того, чтобы предотвратить введение администрацией Обамы эффективных санкций против режима ас-Сиси (см., например: Yegin 2016).

Важно отметить, что Саудовской Аравии удалось добиться лишения власти правительства «Братьев-мусульман» в Египте, несмотря на поддержку, оказанную летом 2013 г. режиму Мури со стороны США и Европейского союза (Fabbrini, Yossef 2015; Pinfari 2013). Все это показывает несостоятельность попыток разглядеть за всеми крупными событиями на Ближнем Востоке «руку Вашингтона», «руку Москвы» или «руку Запада». «Схватка за Египет», развернувшаяся летом 2013 г., демонстрирует, что ближневосточные державы способны добиваться реализации собственных интересов в регионе даже наперекор стремлениям глобальных игроков. Действительно, летом 2013 г. Саудовской Аравии и ее союзникам удалось нанести на египетской почве поражение не только турецко-катарскому альянсу, но также США и ЕС; это показало, что борьба региональных игроков за региональную гегемонию уже может оказываться здесь намного более значимым фактором, чем попытки вмешательства со стороны глобальных игроков.

В любом случае отстранение Саудовской Аравией (руками египетских военных) в Египте от власти «Братьев-мусульман», опиравшихся на поддержку Катара и Турции, явилось важнейшим шагом саудовского контрнаступления, успешно заблокировавшего попытку катарско-турецко-ихванского альянса установить свою региональную гегемонию и превратившего Саудовскую Аравию в главного претендента на региональное лидерство.

Поддержка катарско-турецким альянсом ХАМАС

Приход умеренных исламистов в лице «Братьев-мусульман» к власти в Египте активизировал исламистские силы разного толка по всему арабскому региону. В том числе произошла активизация деятельности палестинской группировки ХАМАС против Израиля.

Главная исламистская организация сектора Газа ХАМАС, которая имеет «родственные» связи с египетскими «Братями-мусульманами» (Косач 2001: 112), активизировала действия против Израиля. ХАМАС рассчитывал на исламскую солидарность со стороны пришедших к власти в Египте исламистов, часть представителей радикального крыла которых высказывалась за полную поддержку палестинцев и разрыв египетско-израильского мирного договора. С другой стороны, отметим, что впоследствии именно еги-

петский лидер М. Мурси способствовал заключению перемирия между ХАМАС и Израилем (Котова, Химшиашвили 2012).

Действия палестинского ХАМАС вдохновлялись не только тем, что к власти в Египте пришли «Братья-мусульмане», но и дипломатической поддержкой катарско-турецкого альянса. В 2012 г. тогдашний эмир Катара Хамад Бин Халифа Ал-Тани стал первым главой государства, посетившим контролируемую ХАМАС Газу; при этом он пообещал выделить 400 млн долларов на восстановительные работы (Henderson 2013b).

Лидер ХАМАС Халед Машаль в 2013 г. посещал Турцию для встречи с премьер-министром Турции Р. Т. Эрдоганом (Gidda 2014). В 2014 г. в Турции побывал один из командиров ХАМАС Салах ал-Арури, который, по словам Палестинской администрации, планировал несколько нападений на израильские цели. В декабре 2014 г. один из лидеров ХАМАС заявил, что его организация использует Турцию для обучения боевиков и планирования боевых операций. Тогдашний премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу принимал руководителя политического бюро ХАМАС Халеда Машаля в том же месяце на партийном съезде.

В ходе визита в Палестину в 2015 г. катарский чиновник Мохаммад ал-Эмади, говоря о поддержке Катаром ХАМАС, заявил, что Катар использует эти деньги для помощи не ХАМАС, а палестинскому народу в целом. Однако он признавал, что предоставление помощи палестинскому народу означает использование ХАМАС в качестве местного контакта (Harris 2015).

В свою очередь представители ХАМАС утверждали, что, имея контакты с различными арабскими странами, они устанавливают с ними позитивные отношения, которые будут поощрять эти государства выполнять свой долг перед палестинцами и поддерживать их дело, влияя на общественное мнение в арабском мире (Amer 2013). С другой стороны, поддержка катарско-турецким альянсом палестинцев стала дополнительным фактором укрепления стратегических отношений между катарской и турецкой сторонами.

Однако после прихода к власти в Египте военных в июле 2013 г. отношения между палестинским ХАМАС и Каиром обрели менее дружественный характер. Исходя из своих прагматических соображений, ХАМАС начал поиск дополнительного регионального союзника в силу того, что движение «Братьев-мусульман» и их

покровители в лице Катара и Турции потерпели политическое поражение в Египте (Ramani 2015). Укрепляя связи с Саудовской Аравией, ХАМАС имела шансы изменить свой международный имидж террористической организации и получить щедрое финансовое вознаграждение от монархий Залива во главе с КСА. Действительно, вопреки американо-израильским усилиям, страны Залива во главе с Саудовской Аравией не решаются включать ХАМАС в число террористических группировок, обосновывая свою позицию следующим образом: это – движение сопротивления израильской оккупации, которое никогда не проводило никаких военных действий за пределами оккупированной Палестины (Nanich 2018).

Таким образом, переход ХАМАС к многовекторной международной политике, которая заключалась в отходе от финансовой зависимости от Ирана и катарско-турецкого альянса, дает возможность для налаживания отношений с Саудовской Аравией, заинтересованной в ослаблении позиций иранской и катарско-турецкой сторон.

Катар и Турция в Сирии

В сирийском кризисе турецко-катарский альянс активным образом продвигал свои интересы и стремился сделать местный филиал «Братьев-мусульман» лидером оппозиции страны для последующей смены правительства Башара ал-Асада. Турция и Катар использовали для этого то обстоятельство, что первая крупная коалиция сирийских оппозиционеров в эмиграции – Сирийский национальный совет (СНС) – была сформирована при содействии Катара (Ходынская-Голенищева 2018) в августе 2011 г. в Стамбуле, где и стала размещаться ее штаб-квартира. Однако Сирийский национальный совет не смог стать авторитетной и консолидированной оппозиционной структурой. Чрезмерный прокатарский крен и, как следствие, засилье в нем представителей «Братьев-мусульман» (Sly 2012), их агрессивная риторика – все это привело зарубежных спонсоров СНС к мысли о необходимости создания более представительной и умеренной группы (Ходынская-Голенищева 2018: 103).

Фактически правопреемницей СНС стала образованная 11 ноября 2012 г. Национальная коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС) со штаб-квартирой в Каире (однако

после начавшихся в стране беспорядков ее штаб-квартира была перенесена в Доху, что, естественно, усилило катарское влияние в этой организации). В целом большинство в руководстве НКСРОС было ориентировано на Турцию и Катар, а соответственно, на идеологию «Братьев-мусульман». В качестве «общенационального» представителя в НКСРОС вошел бывший верховный наставник «Братьев-мусульман» Али Баянуни. Однако в НКСРОС были и представители, которые придерживались просаудовских взглядов, направленных в первую очередь на противостояние с Ираном (Ходынская-Голенищева 2018: 105).

После того как Доха стала штаб-квартирой Национальной коалиции революционных и оппозиционных сил, сменившей СНС в Турции, Катар стал, по сути, вторым убежищем сирийской оппозиции (Наgunoglu 2016). Все же СНС продолжал оставаться частью НКСРОС, «расшатывая» организацию по причине своей протурецкой и прокатарской направленности. Помимо этого, СНС провоцировал размолвки между прокатарскими и просаудовскими группировками тогда, когда сталкивались интересы соперничавших в сирийских делах Саудовской Аравии и Катара (Васильев 2018). Национальная коалиция так и не стала консолидированным органом в связи с чехардой внутри самой организации (сначала был ставленник от «Братьев-мусульман», потом ставленник от Саудовской Аравии [Ходынская-Голенищева 2018: 106]). НКСРОС так и осталась искусственным и зависящим от зарубежных спонсоров объединением.

Все же, придерживаясь умеренного исламизма «Братьев-мусульман» и продвигая его, турецко-катарский альянс конкурировал с консервативным исламизмом Саудовской Аравии, не позволяя рассчитывать на сколько-нибудь серьезный результат усилий сторон по формированию идеологически монолитного блока, способный выступить в качестве альтернативы правящему режиму (Там же: 126).

Вместе с тем надо отметить, что в начале сирийской гражданской войны сформировался тактический альянс между катарско-турецким блоком и Саудовской Аравией. Главной целью последней в Сирии было ликвидировать там иранское влияние, а главной целью катарско-турецкого блока – привести там к власти «Братьев-мусульман», но для достижения и того и другого требовалось свергнуть режим Башара ал-Асада. В результате в начале конфлик-

та между сторонами сложилось ситуативное сотрудничество (Yaghi 2018: 6).

Катар и Турция принимали активное участие в работе с вооруженными формированиями вместе с Саудовской Аравией и государствами западной коалиции (Васильев 2017: 8). Для этой цели был создан Центр совместных операций (Müşterek Operasyon Merkezi [МОМ]), который занимался координацией деятельности умеренных исламистских формирований (Özkizilcık 2017). Центр базировался на неприметной вилле на юге Турции, где командиры повстанцев встречались с офицерами разведки за длинным овальным столом, чтобы предложить планы операций и договориться о поставках оружия тем или иным отрядам повстанцев. С самого начала турецкая сторона пыталась взять под контроль проведение операций.

К примеру, такие исламистские группировки, как «Ал-Джабхат аш-Шамийя», «Ахрар аш-Шам», поддерживались Катаром и Турцией. Идеологическую основу этих формирований с подачи катарской и турецкой сторон составляли установки ассоциации «Братья-мусульмане», адаптированные под идею патриотической, революционной и справедливой войны с алавитским режимом и его шиитскими пособниками в лице «Хезболлы», отрядов КСИР и т. д. (Ходынская-Голенищева 2018: 158–159). Тем самым катарско-турецкий альянс противостоял не только саудовской модели исламизма, но и иранскому шиитскому проекту исламизма. В свою очередь, Саудовская Аравия поддерживала исключительно суннитские вооруженные формирования, способные продвигать салафитские взгляды на занимаемых территориях.

Однако на протяжении всей работы Центра МОМ наблюдались серьезные разногласия между странами-участницами, а также между последними и повстанцами. Многие повстанцы не без оснований считали МОМ не более чем плацдармом иностранных разведок для контроля над оппозицией. Одним из серьезных противоречий в работе стал раскол в позициях между США и Турцией. Напряженность возросла после того, как ИГИЛ⁵ захватило второй город Ирака, Мосул, в июне 2014 г. и начало активные действия на всей тер-

---

⁵ Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

ритории Ирака и Сирии. Вашингтон начал воздушную кампанию против ИГИЛ, доверив координацию сухопутных войск в наземной операции на сирийской территории не МОМ, а сирийскому курдскому ополчению, известному как Отряды народной самообороны/ОНС/YPG⁶.

Пентагон нашел в ОНС/YPG привлекательных партнеров, потому что им не нужно было беспокоиться об исламистском проникновении – и, в отличие от формирований, курируемых МОМ, они не сражались с правительством Б. ал-Асада. В свою очередь, это задело турецкую сторону, которая к тому времени уже много лет вела войну с идеологически (да и организационно) близкой ОНС турецкой Рабочей партией Курдистана (РПК) (Васильев 2017: 6).

Помимо американской стороны, активное участие в ослаблении катарско-турецких позиций в оппозиционном лагере сыграла Саудовская Аравия. Начавшиеся переговоры между правительством и оппозицией в Женеве в 2013 г. по инициативе США и России привели к тому, что раздираемая противоречиями НКСРОС не сумела на первых порах стать полноценным участником переговоров. В итоге при посредничестве американцев миссия по формированию единой и работоспособной оппозиционной делегации была возложена на Саудовскую Аравию. Итогом прошедшей 10 декабря 2015 г. конференции в Эр-Рияде стало образование Высшего комитета по переговорам (ВКП) (фактические заменявшего НКСРОС). Однако в образованном органе вновь произошла дифференциация на радикальную (ориентация на Катар) и умеренную (ориентация на Саудовскую Аравию) группы, которые препятствовали эффективному переговорному процессу. Все же саудовцы сумели произвести переформатирование ВКП: воспользовавшись разгоревшимся кризисом вокруг Катара в июне 2017 г., так называемая «эр-риядская группа» делала упор на вытеснение из числа оппозиционных групп прокатарских и протурецких элементов, ориентированных на идеологию «Братьев-мусульман» (Ходынская-Голенищева 2018: 142).

---

⁶ Yekîneyên Parastîna Gel (YPG) является преимущественно курдским ополчением в Сирии и основным компонентом Демократической Федерации северных сирийских сил. Помимо курдов, YPG включает арабов и иностранных добровольцев.

Таким образом, Саудовская Аравия замыкала на себе основные направления, связанные с деятельностью ВКП как одного из главных оппозиционных органов, вытеснив на какое-то время катарско-турецкий альянс из переговорного процесса в женевском формате и ослабив его позиции на региональном уровне.

Собственно в Сирии позиции турецко-катарского альянса сейчас значительно сильнее, чем у Саудовской Аравии. Первый сохраняет контроль над северо-западом Сирии, в то время как все зависевшие от Саудовской Аравии группировки в центральной и южной Сирии оказались разгромленными и/или эвакуированными на северо-запад, где они оказались под контролем катарско-турецкого альянса. Но нельзя не отметить, что значительное ослабление влияния КСА внутри Сирии было в очень высокой степени связано с началом саудовской интервенции в Йемен в 2015 г., которая оттянула на себя основные военные ресурсы Саудовской Аравии, резко ослабив ее возможности помогать сирийским повстанцам (а значит, и удерживать их под своим контролем).

Катар и Турция в Ливии

В ливийском кризисе 2011 г. катарско-турецкий альянс активным образом выступил против правительства М. Каддафи, поддерживая повстанцев. По некоторым данным, добровольцы из Турции, а также военные советники из Катара участвовали в боевых действиях на стороне повстанцев (Walker 2011). Первоначально премьер-министр Катара Шейх Хамад бен Джасим Ал-Тани заявил, что страна поддерживает повстанцев, направляя только «оборонительное оружие» (Roberts 2011). Однако, по некоторым данным, Катар предоставил воевавшим против Каддафи вооруженным формированиям военных специалистов, более 20 тыс. тонн оружия, а также десятки миллионов долларов в виде финансовой помощи (Dagher *et al.* 2011). Причем оружие, как утверждает, продолжало поступать исламистским группировкам и в сентябре 2011 г., после свержения власти Каддафи (Blair, Spencer 2014).

По сообщениям агентства «Рейтер», в мае 2011 г. повстанцы из Восточной Ливии, контроль над которой Каддафи утратил еще в начале февраля, вели переговоры с катарскими банками о содействии международным денежным переводам в районах, удерживаемых повстанцами, что было направлено на рекапитализацию бан-

ков и стимулирование экономики посредством торговли. Согласно отчету «Рейтер», Катар уже продавал сырую нефть с нефтяных месторождений на территориях, контролируемых повстанцами, и отправлял «бензин, дизельное топливо и сжиженный нефтяной газ» в те же районы (Wikileaks 2013).

Помимо этого, турецкий флот с пятью кораблями и одной подводной лодкой участвовал в морской блокаде под руководством НАТО для обеспечения соблюдения эмбарго на поставки оружия. Он также предоставил шесть боевых самолетов F-16 Falcon для воздушных операций (Der Spiegel 2011). 24 марта 2011 г. парламент Турции одобрил участие страны в военных операциях в Ливии, в том числе в обеспечении соблюдения там бесполетной зоны.

Вооруженные силы Катара предоставили шесть истребителей Mirage 2000-5EDA и два стратегических транспортных самолета C-17 для усиления коалиции по обеспечению бесполетной зоны. Катарские самолеты были размещены на Крите (Lindström, Zetterlund 2012). На более поздних этапах операции катарский спецназ оказывал содействие повстанцам. Катар также привез небольшие группы ливийцев на территорию своей страны для обучения руководителей небольших подразделений в рамках подготовки к наступлению повстанцев на Триполи в августе 2011 г. (Michaels 2013). Помимо этого, катарские силы специального назначения принимали активное участие в штурме резиденции М. Каддафи «Баб ал-Азизийа» в Триполи 24 августа 2011 г. (Roberts 2011).

Обеспечив содействие в свержении правительства М. Каддафи, катарско-турецкий альянс посредством поддержки местного филиала «Братьев-мусульман» пытался усилить свое влияние в Ливии.

После восстаний 2011 г., в результате которых был свергнут Каддафи, «Братья-мусульмане» стали самой большой исламистской партией в Ливии. Всего через несколько недель после того, как Каддафи был убит, 17 ноября 2011 г., они провели первую публичную пресс-конференцию в Бенгази, чтобы представить свое новое руководство (Murphy 2011). Уже 24 декабря «Братья-мусульмане» объявили, что они сформируют Партию справедливости и строительства во главе с Мохаммадом Саваном и будут участвовать в выборах во Всеобщий национальный конгресс в следующем году (Ali 2011).

Фаузи Абу Китэф⁷, будучи ведущей фигурой в структуре «Братьев-мусульман», возглавил «революционные бригады» коалиции в восточной части Ливии и был заместителем министра обороны в Переходном национальном совете (ПНС) – административном органе повстанцев, который де-факто управлял Ливией в течение восемнадцати месяцев (март 2011 – август 2012 г.) (Ashour 2015: 3).

Однако в 2012 г. парламентские выборы выиграл Союз национальных сил, коалиция светских и независимых групп, получившая 64 места. В свою очередь, Партия справедливости и строительства «Братьев-мусульман» заняла второе место, получив 34 места (Glenn 2017). Кандидат от «Братьев-мусульман» на пост премьер-министра Авад ал-Барааси также потерпел поражение в первом туре голосования в сентябре, хотя позже он стал заместителем премьер-министра при Али Зейдане. Депутат от ПСР Салех Эссале также являлся вице-спикером Всеобщего национального конгресса (Libya Herald 2012).

В сформированном парламенте «Братья-мусульмане» (которые оказались более сплоченными, чем светская коалиция) усилили свое влияние через стратегические союзы с независимыми кандидатами, обеспечив себе контроль над Всеобщим национальным конгрессом. В итоге они стали самым сильным блоком в конгрессе.

Принятый парламентской коалицией во главе с «Братьями-мусульманами» закон о политической изоляции, запрещавший всем бывшим членам режима М. Каддафи (даже тем, кто с ним боролся) участвовать в работе государственных органов в течение десяти лет, фактически закреплял доминирующее положение «Братьев-мусульман» в конгрессе. Фракция БМ санкционировала создание исламистских ополчений, как полуофициальных, так и неофициальных. Эти исламистские формирования в основном действовали при Министерстве внутренних дел и штабе Вооруженных сил во главе с Салемом ал-Обейди. Соответствующие подразделения включали мощный общенациональный «Ливийский щит»⁸, бригады ополчения в Бенгази, различные бригады в восточной части Триполитании и бывшие подразделения Верховного комитета безопасности.

⁷ Провел более 18 лет в ливийских тюрьмах.

⁸ «Ливийский щит» («Щит Ливии») – вооруженная организация, образованная в 2012 г. из вооруженных группировок, воевавших против режима М. Каддафи.

Полномочия Всеобщего национального конгресса по закону истекли 7 февраля 2014 г., но конгресс (несмотря на возражения оппонентов) продлил их до конца года (Engel 2014). Однако уже в мае 2014 г. саудовский блок начал решительное наступление на поддерживаемый Турцией и Катаром «ливийский парламент “Братьев-мусульман”», в котором роль главной ударной силы сыграла «Ливийская национальная армия» Халифы Хафтара. При этом на стороне Х. Хафтара стали воевать поддерживаемые Саудовской Аравией группы салафитов-мадхалитов⁹, и Хафтару также поступает финансовая и военная помощь со стороны Египта, ОАЭ и Саудовской Аравии.

16 мая 2014 г. Х. Хафтар объявил о начале операции «Достоинство» в Бенгази с целью «ликвидировать экстремистские террористические группировки, дестабилизирующие страну» (Barfi 2014: 1). Но уже 18 мая операция распространилась до Триполи, где лояльные Х. Хафтару ополченцы из Зинтана захватили здание Всеобщего национального конгресса. Позже здание парламента отбили лояльные исламистским силам ополченцы из Мисураты, однако депутатам пришлось пойти на уступки. 20 мая 2014 г. члены Высшей избирательной комиссии с одобрения представителей Всеобщего национального конгресса назначили дату проведения парламентских выборов на 25 июня того же года. Объявление даты парламентских выборов не ослабило конфронтационной ситуации. Отметим, что активное участие в наступательных операциях на стороне сил Х. Хафтара принимали воздушные силы Египта и ОАЭ (Chris 2014).

Развернувшиеся боевые действия повлияли на явку избирателей. По некоторым оценкам, около 1,5 млн ливийцев зарегистрировались на выборах 2014 г. – по сравнению с 2,8 млн в 2012 г. (Glenn 2017). Результаты «Братьев» на парламентских выборах 2014 г. оказались значительно хуже, чем в 2012 г., они получили только 25 из 200 имеющихся мест. В конечном счете новый парламент (вынужденный из-за конфликта с контролирующими Триполи ихванами переместиться ближе к границе с просаудовским Егип-

---

⁹ Мадхалиты – салафитская группировка, члены которой являются последователями саудовского богослова Раби ал-Мадхали. В одной из своих фетв ал-Мадхали объявил о необходимости поддержки Х. Хафтара (см. подробнее: Salah 2017).

том, в Тобрук) блокировался с Халифой Хафтаром, в результате чего саудовскому блоку удалось создать мощный и достаточно легитимный центр силы в Тобруке, установив свой контроль над большей частью территории Ливии и заставив поддерживаемое Турцией и Катаром правительство в Триполи уйти в глухую оборону (см., например: Grinin *et al.* 2018: 195–202).

Катар, Турция и «Братья-мусульмане» в Тунисе

Однако влияние катарско-турецкого альянса на политические процессы посредством поддержки «Братьев-мусульман» для укрепления своих лидерских позиций в арабском регионе во время Арабской весны не ограничилось лишь Египтом, Сирией и Ливией. Турецко-катарский альянс в период событий Арабской весны оказал существенную финансовую и дипломатическую поддержку родственной «Братьям-мусульманам» тунисской Партии возрождения («Ан-Нахда»), возглавляемой бессменным лидером Рашидом ал-Ганнуши (Kausch 2013).

С 90-х гг. XX в. данная партия была запрещена и не участвовала в политической жизни страны. Однако с 2011 г. многие руководители партии, в том числе ее основатель Рашид ал-Ганнуши, вернувшись из-за рубежа, стали проводить мощную пропаганду для участия в грядущих парламентских выборах. Отметим, что незадолго до выборов Р. ал-Ганнуши вылетел в Доху для «обеспечения победы Партии возрождения» (Мадини 2014). Итогом парламентских выборов стал достаточно убедительный успех исламистов. Исламистская Партия возрождения получила 89 мест из 217, заручившись поддержкой 37 % населения (Исаев 2013б). Пройдя в парламент созыва 2011–2014 гг., исламисты образовали парламентскую коалицию «Тройка» с Демократическим форумом за труд и свободы и Конгрессом за республику, заняв в совокупности 138 депутатских кресел (почти 64 %) и получив тем самым возможность оказывать доминирующее влияние на работу тунисского парламента (Царегородцева 2017: 130).

Как утверждает Т. Мадини, в период парламентских выборов Катар оказал финансовую помощь партии «Возрождение» в размере 150 млн долларов (Мадини 2014). Одним из доказательств данного утверждения является то, что первой зарубежной поездкой Р. ал-Ганнуши после выборов был визит в Доху в конце октября 2011 г.

Многочисленные визиты на высоком уровне привели к тому, что Катар предложил существенную экономическую поддержку и инвестиции. Первоначально он предоставил займы в размере 500 млн долларов – наравне с Турцией, которые позже были увеличены до 1 млрд долларов (Roberts 2014). Катар также инвестировал несколько миллиардов долларов в телекоммуникационный, банковский, туристический и углеводородный секторы Туниса, а также пообещал 20 тыс. рабочих мест тунисцам. Помимо этого, некоторые представители Катара стремились выкупить одну из новых популярных тунисских газет *Attounisia*, созданную после падения режима Бен Али (Laghmari 2012).

Помимо предполагаемых финансовых связей, существует информация о наличии личных связей между членами Партии возрождения и представителями катарского истеблишмента. Так, основатель партии Рашид ал-Ганнуши на протяжении многих лет был частым гостем в Дохе и в том числе участвовал в организованных Ю. ал-Кардави передачах на телеканале «Ал-Джазира» (Ajmi 2012).

После революции в Тунисе ал-Ганнуши заявил в интервью газете «ал-Араб», что Катар является «партнером» революции в Тунисе, не в последнюю очередь из-за освещения событий на телеканале «Ал-Джазира». Помимо этого, лидер Партии возрождения не раз в своих выступлениях сравнивал ее с турецкой исламистской Партией справедливости и развития, отмечая их идеологическую близость на основе умеренного исламизма. Некоторые члены Партии возрождения вызвали острую общественную реакцию, предложив эмиру Катара принять участие в открытии нового Национального учредительного собрания Туниса в 2011 г. Зять Р. ал-Ганнуши Рафик Абдессалем после работы руководителем отдела в исследовательском центре «Ал-Джазиры» в Дохе стал министром иностранных дел Туниса, что еще больше укрепило связи между двумя государствами (Roberts 2014).

Усиление позиций партии «Возрождение» в Тунисе встретило отпор со стороны Саудовской Аравии и ОАЭ. Уже начиная с 2011 г. саудовские и эмиратские СМИ обрушились с критикой на Партию возрождения и проблему катарско-турецкого влияния в Тунисе. Эта кампания, ориентированная на тунисскую общественность, способствовала делегитимизации исламистской партии

Р. ал-Ганнуши. Контратака проводилась как традиционными средствами, так и при помощи социальных сетей.

Противоречия углубились в связи с обсуждением проекта будущей конституции страны, когда на фоне многочисленных провокаций со стороны консервативных и радикальных исламских групп лидеры «Возрождения» заявили о том, что шариат не будет единственным источником законодательства. Такие заявления сразу же оттолкнули от «Возрождения» многочисленные исламистские движения страны. С другой стороны, в конце 2013 г. сразу в нескольких провинциях прошла всеобщая забастовка против исламистов (Устюгова 2014).

Политический кризис в Тунисе решился конституционным путем – через выборы. Проведенные на основе новой конституции парламентские выборы не позволили исламистам закрепиться у власти. Партия «Возрождение» набрала 28 % голосов и сформировала вторую по численности депутатскую фракцию в парламенте. Исламисты были отстранены от активной политики, однако, в отличие от египетских «Братьев-мусульман», сумели остаться на политической арене.

Следы катарско-турецкого влияния в Марокко

Наравне с тунисской партией «Возрождение» значительных успехов в период Арабской весны добилась марокканская Партия справедливости и развития (ПСР), которая также имеет сильные связи с «Братьями-мусульманами». Отметим, что Марокко является одной из немногих стран, где массовые протесты во время Арабской весны начала 2011 г. привели к серьезным реформам, которые прошли достаточно мирно, без смены политического режима. Уже в июне 2011 г. посредством народного референдума была одобрена новая конституция, в которой король больше не назывался «священным» и должен был назначить премьер-министра из партии с большинством мест в парламенте. В ноябре 2011 г. конкурентные парламентские выборы привели к власти оппозиционную умеренно-исламистскую политическую партию, впервые возглавившую правительство, – Партию справедливости и развития и ее премьер-министра Абделилу Бенкирана.

История возникновения партии как политического крыла «Братьев-мусульман» восходит к середине 1960-х гг. Однако со време-

нем ПСР отошла от влияния египетских исламистов и превратилась в одно из исламистских движений умеренного толка. Свое современное название партия получила в 1998 г. До начала событий Арабской весны у ПСР не было громких успехов на политической арене. Марокканские власти пытались ограничить ее деятельность, однако исламисты проявили гибкость, став одной из крупнейших системных партий в стране.

Успех ПСР на парламентских выборах отнюдь не случаен. Этому способствовала постепенная эволюция партийной борьбы исламистов на предыдущих выборах. В 1997 г. ПСР получила всего 8 мест в парламенте, в то время как в 2002 г. – 42, в 2007 г. – уже 47, а в 2011 г. – 107 мест из 325 (The Telegraph 2011). Тогда исламисты впервые в истории Марокко возглавили правительство, хотя это и не означает получения всей полноты власти – на практике они по-прежнему должны были искать компромиссы с королем и другими политическими силами.

По некоторым данным, марокканская ПСР имела достаточно тесные связи с международным движением «Братья-мусульмане». В марте 2011 г. лидер ПСР был одним из участников конференции, собравшей значительное число участников из глобальной сети «Братьев-мусульман», в том числе египетских «Братьев» и других исламистских движений, в состав которых также входил лидер тунисского ответвления БМ Р. ал-Ганнуши (Ал-Башир 2011). В 2011 г. лидер «Братьев-мусульман» Ю. ал-Кардави одним из первых среди исламских ученых поздравил ПСР с победой в парламентских выборах (Morocco World News 2011).

Однако в результате падения режима М. Мурси в Египте и общих усилий саудовского блока по ослаблению позиций ихванов в арабском мире заметно снизилась терпимость короля к ПСР с параллельным усилением позиций светских оппозиционных партий (Sakthivel 2013). Но все же ПСР сумела сохранить свои позиции, обеспечив определенную стабильность в стране (Pollock 2013).

Необходимо отметить, что, несмотря на умеренную политику исламистской ПСР, она вызывает раздражение у представителей королевского двора, которые видят в ней потенциальную угрозу дестабилизации политического режима. Поэтому любые смелые инициативы со стороны ПСР королевский двор пытался нивелировать.

Дело в том, что стабильность экономики Марокко подкрепляется международными кредитными линиями на случай непредвиденных обстоятельств и специальными дотациями от монархий Персидского залива, которые не хотели бы видеть ПСР в качестве ведущего игрока в стране. Однако, несмотря на благоприятные экономические отношения между Рабатом и Эр-Риядом, Катар не отказался от попыток влиять на Марокко. В последние годы стороны обменялись визитами. Катар также сделал экономические пожертвования, наиболее важное из которых в 2014 г. составило 136 млн долларов (Pollock 2013).

Помимо этого, Катар осуществлял финансовую и дипломатическую поддержку исламистской ПСР как проводника умеренной идеологии «Братьев-мусульман» в стране. Так, по некоторым данным, в мае 2015 г. генеральный секретарь ПСР Абделила Бенкиран принял участие в форуме «Ал-Джазиры», в котором участвовали представители «Братьев-мусульман» и ХАМАС (The Global Muslim Brotherhood Daily Watch 2016). В июне 2015 г. марокканский министр юстиции и лидер ПСР Мустафа ал-Румейд выступил на 13-й ежегодной конференции палестинцев в Европе (Берлин), спикерами и участниками которой были представители международного движения «Братья-мусульмане» и ХАМАС (The Global Muslim Brotherhood Daily Watch 2015).

Более того, по некоторым данным, катарское правительство оказало финансовую помощь ПСР на парламентских выборах 2016 г. Используя катарские деньги в предвыборной кампании, марокканская ПСР сумела добиться успехов на парламентских выборах. Так называемые катарские гранты направлялись в те районы, где ПСР пользовалась широкой популярностью и влиянием. Посредством благотворительных фондов было направлено около 100 млн долларов в города Марракеш, Сафи и Эс-Сувейра, которые помогли партии получить там места по итогам выборов в законодательные органы в 2016 г. Благотворительный фонд «Рафа» предоставил несколько грантов на общую сумму 15 млн долларов организациям, связанным с исламистской ПСР в Марокко, под предлогом финансирования проектов малых и средних предприятий. Эти средства были инвестированы в те марокканские города, в которых большой популярностью пользовалась ПСР.

Что касается марокканских организаций, которые получали средства от Катара, то это в первую очередь Басский фонд социального развития, который получил от катарского благотворительного управления финансирование в размере 10 млн катарских риалов для проведения строительных работ в Марокко, 200 тыс. катарских риалов для борьбы с наводнением и т. п. (КатариЛикс 2018).

Общество помощи и поддержки, возглавляемое Наймой Беннайш, одним из лидеров Партии справедливости и развития, получило помощь от благотворительных организаций Катара. Например, многомиллионные суммы были перечислены ему Катарским благотворительным управлением, Катарским Красным Полумесяцем (Qatar Red Crescent – QRC) для поддержки сирот и для реализации других благотворительных проектов (Там же).

Для исламистской ПСР такого рода содействие оказалось значительным, в то время как королевский двор находит больше точек соприкосновения с монархиями Залива во главе с Саудовской Аравией касательно вопросов безопасности и политической обеспокоенности по поводу усиления влияния «Братьев-мусульман», чем с Дохой, с которой возникают разногласия из-за поддержки прокатарских исламистских партий, а также освещения «Ал-Джазирой» событий в Западной Сахаре.

Еще в апреле 2014 г. Совет сотрудничества стран Персидского залива предложил Марокко и Иордании вступить в военный альянс для совместного противостояния нарастающим в регионе угрозам. Дело в том, что монархии Залива (за исключением Катара) оказывали поддержку Марокко и Иордании для сдерживания умеренного исламизма, часто в «ихванском» исполнении. В такой поддержке прослеживается желание королевств Персидского залива во главе с Саудовской Аравией перейти от чисто политического и экономического блока к созданию монархической оси суннитского консервативного ислама. Поэтому монархии Персидского залива пытаются укрепить связи между Марокко и Иорданией как единственными оставшимися за пределами Аравии арабскими монархиями. В 2012 г. страны Залива направили Марокко и Иордании пакет помощи в размере 5 млрд долларов после того, как произошли арабские восстания. На фоне усиления Ирана и противодействия шиитскому влиянию в регионе вопросы укрепления суннитской

солидарности и сохранения статуса монархий становятся все более актуальными (Yom 2012).

После предоставления финансовой помощи марокканский король Мохаммед VI совершил поездку по странам Залива, чтобы выразить свою благодарность за поддержку экономики Марокко.

Практически все государства Персидского залива (кроме, естественно, Катара) требовали вытеснить умеренных исламистов на обочину политического процесса. Усиление позиций умеренных исламистов, которые имеют идеологическую связь с «Братьями-мусульманами», не входит в планы и самой королевской власти, которая больше тяготеет к консервативной модели региональной интеграции в исполнении Саудовской Аравии (несмотря на то, что королевская власть Марокко не признает саудовскую династию подлинно исламской). Поэтому, несмотря на то, что Саудовская Аравия считалась способствовавшей росту ваххабизма и салафизма в Марокко и Северной Африке, она параллельно поддерживала попытки марокканской монархии ослабить Партию справедливости и развития (ПСР), основную умеренную исламистскую политическую партию страны, которая возглавила марокканский парламент с ноября 2011 г.

Саудовская Аравия вложила большие финансовые средства для смещения «Братьев-мусульман» с политической арены Египта и не допустит их усиления посредством умеренного исламизма в других государствах арабского региона.

В целом взаимоотношения между королевской властью и исламистами в Марокко носят особый характер, поскольку король является представителем династии, напрямую ведущей свою родословную от пророка Мухаммада¹⁰. Таким образом, власть исламизирована ввиду религиозного статуса короля и преобладания умеренных исламистов в оппозиции.

Проводимая исламистской ПСР умеренная политика позволила ей победить на парламентских выборах 2011 и 2016 гг. Этому способствовала уже давно функционирующая в стране многопартийная система, представленная как арабскими, так и берберскими

---

¹⁰ Королевская семья происходит от династии алавитов, восходящей к линии пророка Мухаммада.

партиями, а также то, что король традиционно играет на противоречиях и является верховным арбитром.

Высказывание в 2015 г. лидера партии ПСР на заседании Национального совета о том, что «между партией и “Братьями-мусульманами” нет организационных отношений» (Middle East Monitor 2015), кажется сомнительным. ПСР считает необходимым отказаться столь энергично от связей с «Братьями» из-за того, что ассоциация и покровительство ей со стороны катарско-турецкого альянса дискредитированы на региональном уровне.

Помимо всего прочего, есть косвенные доказательства попыток катарско-турецкого альянса усилить свое влияние в начале Арабской весны при помощи «Братьев-мусульман» в Йемене и Иордании.

Следы катарско-турецкого присутствия в Иордании

Определенные успехи «Братьев-мусульман» наблюдались в начале Арабской весны и в Иордании. В первые месяцы событий Арабской весны иорданские «Братья-мусульмане» сумели мобилизовать народные протесты, в основе которых лежал призыв к конституционным реформам, подрывавшим положение королевской власти. Позиционируя себя в качестве главной исламистской силы, БМ сумели активизировать народные массы по всей стране, организуя демонстрации почти еженедельно.

Решительный бойкот со стороны «Братьев» предстоящих парламентских выборов угрожал сорвать процесс реформ под руководством королевского двора и создавал почву для дальнейшей конфронтации.

На фоне роста протестных движений и усиления позиций исламистов очевидной альтернативой для королевской власти стали попытки вовлечь «Братьев-мусульман» в запланированный процесс реформ. Король Абдалла II пошел на уступки, распустив правительство премьер-министра Самира Рифи и приложив усилия по созданию нового правительства во главе с Маруфом ал-Бахитой, в которое были приглашены представители «Братьев-мусульман».

Однако от данного приглашения «Братья» отказались и продолжили бойкотировать намеченные на декабрь 2011 г. муниципальные выборы. Возглавив народные протесты 2011–2012 гг. с

требованием конституционной монархии и избирательных реформ, «Братья-мусульмане» добились отставки премьер-министра М. ал-Бахиты и проведения досрочных всеобщих выборов в 2013 г.

Существенную роль в поддержании относительно стабильной социально-экономической ситуации и недопущении дискредитации правящей королевской семьи в глазах иорданского народа сыграла Саудовская Аравия, которая оказала серьезную финансовую помощь стране. Так, в период с 2011 по 2014 г. Иордания получила наибольшую финансовую поддержку за последние десятилетия. Только в 2011 г. она составила 1,2 млрд иорданских динаров (1,7 млрд долларов). А в декабре 2011 г. во время саммита ССАГПЗ монархии Залива во главе с Саудовской Аравией решили увеличить на 5 млрд долларов финансовую помощь Иордании на цели развития в соответствующий пятилетний период (Ayesh 2018).

Отчасти саудовцы пытались предотвратить египетский сценарий, когда на фоне стремительного роста цен на продовольствие правящая долгое время власть в лице Х. Мубарака была дискредитирована, что дало шанс оппозиции во главе с «Братьями-мусульманами» замкнуть управление страной на себя. Таким образом, Саудовская Аравия перехватила контроль над ситуацией и продолжает доминировать в иорданской политике.

В свете всего сказанного заметный интерес представляют утверждения официальных саудовских инстанций о том, что Катар оказывал «Братьям-мусульманам» в Иордании значительную поддержку (The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia 2018). В любом случае успехи иорданских «Братьев» в первые месяцы событий Арабской весны можно считать частью успехов политической оси Катар – Турция – «Братья-мусульмане» в этот период.

Признаки катарско-турецкого влияния в Йемене

Имеются основания утверждать, что вмешательство катарско-турецкого альянса в йеменский кризис проявлялось в основном через поддержку Катаром политической партии «Ислах», которая имеет идеологическую связь с «Братьями-мусульманами». «Ислах», будучи во время правления Али Абдаллы Салеха одной из самых мощных оппозиционных групп в Йемене, в 2011 г. сыграла в тесном альянсе с кланом Ахмаров при политической, финансовой и медиаподдержке Катара исключительно важную роль в организа-

ции протестов против режима А. А. Салеха (El-Yaakoubi 2017). При этом после отставки в ноябре 2011 г. Али Абдаллы Салеха тесно скоординированный союз партии «Ислах» и клана Ахмаров постепенно фактически пришел к власти в Йемене (Гринин и др. 2016).

Отметим, что в момент вторжения коалиции во главе с Саудовской Аравией в Йемен Катар был частью этой коалиции, однако после дипломатического кризиса 2017 г. катарские войска были выведены из театра боевых действий. Более того, Катар активно стали обвинять в поддержке хуситов.

Связи между Катаром и хуситами восходят еще к 2004–2007 гг., когда последние вели боевые действия с правительственными войсками. В 2007 г. катарские дипломаты выступили посредниками в заключении перемирия. По некоторым данным, с тех пор Катар сохранял тесное сотрудничество с хуситскими ополчениями.

Когда в 2017 г. разразился дипломатический кризис вокруг Катара, руководство хуситов выразило этой стране поддержку и солидарность с Катаром (Almeida 2017).

После разрыва отношений между зависимым от Саудовской Аравии йеменским правительством ал-Хади и Катаром партия «Ислах» оказалась перед выбором. Некоторые члены партии по-прежнему поддерживали президента Йемена Абд-Раббу Мансура ал-Хади. Мохаммед ас-Саади, помощник генерального секретаря «Ислаха» и министр планирования Йемена, рассказал газете «аш-Шарк ал-Аусат», что он приветствует саудовский демарш против Катара (Middle East Eye 2017), но другие выражали солидарность с Дохой. Сама партия не смогла заявить о своем формальном предпочтении.

Катар в течение нескольких лет оказывал гуманитарную помощь Йемену, строя больницы, школы и жилье для бездомных до начала вторжения коалиции в 2015 г. 3 июня 2017 г. Катарский Красный Полумесяц объявил о завершении строительства домов для 160 самых бедных семей в районе Моха – Таиз. Деятельность QRC охватывала не только районы, находящиеся под контролем проправительственных сил, но и области, где дислоцировались силы хуситов (*Ibid.*).

Заключение

Катарско-турецкий альянс, используя панарабскую сеть ассоциации «Братья-мусульмане», а также их идеологию в качестве инструмента в достижении региональной гегемонии, сумел добиться впечатляющих успехов в период Арабской весны 2011–2012 гг.

После египетской революции 25 января 2011 г. этот союз преуспел в укреплении позиций «Братьев-мусульман», которые в конечном итоге пришли к власти в Египте в 2012 г. В Ливии Катар и Турция решительно поддержали восстание против М. Каддафи (катарский спецназ даже принимал участие в последнем штурме Триполи) и сумели перевести эту поддержку в очень значительный рост позиций ливийских «Братьев-мусульман» после убийства Каддафи. В частности, БМ добились доминирования во Всеобщем национальном конгрессе, избранном ливийцами в июле 2012 г. В Тунисе движению «Ан-Нахда» (довольно близкому к «Братьям») удалось при финансовой поддержке Катара и Турции выиграть первые свободные выборы в октябре 2011 г. и сформировать правительство. Турции и Катару также удалось обеспечить лидирующие позиции сирийских «Братьев-мусульман» в главном координационном центре оппозиции за пределами страны – Сирийском национальном совете, сформированном в августе 2011 г. в Стамбуле; при этом повстанческие группировки, поддерживаемые Турцией и Катаром, добились очень серьезных территориальных приобретений внутри Сирии.

В Йемене силы, достаточно близкие к «Братьям-мусульманам», постепенно пришли к власти после отставки Али Абдаллы Салеха в ноябре 2011 г. Помимо этого, влияние Катара и Турции резко возросло в Палестине (в ущерб иранскому влиянию). В Марокко в ноябре 2011 г. премьер-министром был назначен Абделила Бенкиран, глава Партии справедливости и развития (идейно близкой партии Р. Т. Эрдогана с идентичным названием), который также получал финансовую поддержку от Катара в виде благотворительных субсидий. В Иордании «Братья-мусульмане» при поддержке Катара возглавили акции протеста в 2011 г. и даже были приглашены королем в иорданский кабинет министров.

Влияние катарского телеканала «Ал-Джазира» в 2011 г. чрезвычайно возросло, его трансляции сыграли большую роль в распространении цунами Арабской весны, а некоторые аналитики да-

же назвали арабские восстания «ал-джазировой революцией». Также в 2011 г. Катар предпринял (почти успешную) попытку добиться избрания своего министра иностранных дел Генеральным секретарем Лиги арабских государств. И последнее, но не менее важное: эта страна в декабре 2010 г. выиграла право на проведение Чемпионата мира по футболу 2022 г., что стало дополнительным серьезным активом в стремлении катарско-турецкого альянса к региональному лидерству из-за чрезвычайной популярности футбола на Ближнем Востоке. Еще одним важным моментом является то, что к середине 2013 г. Катар и Турция добились поддержки «Братьев-мусульман» (особенно в Египте) со стороны США и Западной Европы.

Отметим, что катарско-турецкий альянс оказался достаточно эффективным механизмом. Действительно, несмотря на огромный экономический, демографический и военный потенциал (сравнимый с Ираном, Саудовской Аравией или Египтом), Турция (как неарабское государство) вряд ли имела сколько-нибудь реальные шансы в одиночку достичь региональной гегемонии в преимущественно арабском регионе (кстати, это серьезное препятствие и для иранских усилий). С другой стороны, Катар, несмотря на его огромные финансовые ресурсы и арабскую идентичность, слишком мал, чтобы в одиночку предпринимать какие-либо серьезные попытки достичь региональной гегемонии. Катар и Турция в 2010–2012 гг. довольно убедительно претендовали на региональную гегемонию только после того, как они объединили свои силы, добавив к этому огромный политический потенциал панарабской ассоциации «Братьев-мусульман».

Однако в 2013 г. Саудовской Аравии и ее союзникам удалось провести довольно успешное контрнаступление. Его центральным элементом стало свержение правительства «Братьев-мусульман» в Египте, осуществленное в союзе с египетскими военными и некоторыми другими внутренними египетскими и международными силами. В январе 2014 г., находясь под огромным давлением, «Ан-Нахда» была вынуждена уйти из правительства в Тунисе. В Ливии при поддержке Саудовской Аравии и ее союзников Халифа Хафтар начал в мае 2014 г. свою энергичную операцию «Достоинство», которая привела к резкому снижению влияния «Братьев-мусульман» (а следовательно, Турции и Катара) в этой стране. На «сирийском

фронте» Саудовской Аравии удалось существенно сократить влияние «Братьев-мусульман» в Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил (которая заменила Сирийский национальный совет в качестве главного координационного центра оппозиции за пределами страны) и на какое-то время усилить влияние просаудовских группировок в Сирии. Влияние «Братьев-мусульман» в Иордании резко сократилось. Саудовская Аравия начала довольно успешное наступление на «Братьев-мусульман» во всем арабском мире (включая само КСА). После 2014 г. Саудовской Аравии и ее союзникам удалось предотвратить установление контроля хуситов над Йеменом, пусть и заплатив за это очень высокую цену, установить свой контроль над более чем 50 % йеменской территории. В результате КСА добилось уменьшения влияния в этой стране не только Ирана, но и Катара. На данный момент Саудовская Аравия, похоже, остается единственной ближневосточной державой, которая всерьез стремится к региональной гегемонии. При этом задача как катарско-турецкого альянса, так и Ирана в настоящее время – скорее предотвратить установление абсолютной гегемонии Саудовской Аравии в регионе, чем добиться таковой гегемонии самим. Однако потенциалы турецко-катарско-ихванского альянса все-таки не стоит недооценивать.

Библиография

- Абгарян Е. А. 1986.** Религиозно-политическая организация «Братья-мусульмане» в Египте. *Ислам в политической жизни стран современного Ближнего и Среднего Востока* / Отв. ред. Н. О. Оганесян. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР. С. 48–133.
- Ал-ахбар 2017.** «Ал-ихван ал-муслимун»: ша'б катар ал-мафкуд. *Ал-ахбар* 7 июня. URL: <https://al-akhbar.com/Arab/231727>.
- Ал-Банна Х. 1951.** *Музаккарат ад-дава ва-д-даийа*. Каир: Магаби' дар ал-китаб ал-араби.
- Ал-Башир 2011.** Ал-мунтади ал-'аламий ли-ль-вастьйа йунакишу саура-тий мыср ва тунис. *Ал-Башир* 23 марта. URL: <http://www.islamtoday.net/albasheer/artshow-12-147999.htm>.
- Бабкин С. Э. 2000.** *Движения политического ислама в Северной Африке*. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока.
- Беляев И. П., Примаков Е. М. 1974.** *Египет: время президента Насера*. М.: Мысль.

- Беляков В. В. 2013.** Революция 25 января в Египте: причины и следствия. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после арабской весны*. М.: ЛЕНАНД. С. 64–85.
- Васильев А. М. 1999.** *История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.)*. 2-е изд., доп. М.: Классика плюс; Книжный дом газеты «Труд».
- Васильев А. М. 2011.** Цунами революций. *Азия и Африка сегодня* 3: 2–18.
- Васильев А. М. 2012.** Египет после выборов. *Азия и Африка сегодня* 4: 2–15.
- Васильев А. М. 2017.** Сирия: аргумент воздушно-космических сил. *Азия и Африка сегодня* 10: 2–10.
- Васильев А. М. 2018.** *От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке*. М.: Центрполиграф.
- Васильев А. М., Виницкий Д. И. 2014.** Новый виток египетской революции. *Азия и Африка сегодня* 1: 4–11.
- Васильев А. М., Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014.** Военные вновь у власти? *Азия и Африка сегодня* 10: 2–7.
- Васильев А., Петров Н. 2012.** *Рецепты Арабской весны: русская версия*. М.: Алгоритм.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Игнатенко А. А. 1988.** *Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность*. М.: Наука.
- Исаев Л. М. 2013а.** Арабская весна и исламское государство. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре* 5.
- Исаев Л. М. 2013б.** Исламисты в политическом процессе тунисской республики после «арабской весны». *Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки* 18(2–3): 125.
- Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2014.** Египетский переворот 2013 года: опыт эконометрического анализа. *Азия и Африка сегодня* 2: 14–20.
- Катарилікс 2018.** Катар ту`абису би`амн ал-Магриб. *Катарилікс*. URL: <https://qatarileaks.com/ar/leak/%D9%82%D8%B7%D8%B1-%D8%AA%D8%B9%D8%A8%D8%AB-%D8%A8%D8%A3%D9%85%D9%86-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%BA%D8%B1%D8%A8-%D8%A8%D8%B4%D8%A8%D9%83%D8%A9-%D9%85%D8%A7%D9%84%D9%8A%D8%A9-%D9%85%D8%AA%D8%B4%D8%B9%D8%A8%D8%A9>.

- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014.** Анатомия египетской контрреволюции. *Мировая экономика и международные отношения* 8: 91–100.
- Косач Г. Г. 2001.** Политический ислам в палестинском контексте: движение ХАМАС. *Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке*. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока. С. 111–145.
- Котова Ю., Химшиашвили П. 2012.** Израиль и «ХАМАС» заключили перемирие. *Ведомости*: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/11/21/zaklyuchenie_peremiriya_mezhdu_izrailem_i_palestincami.
- Крылов А. В. 2013.** Особенности демократических реформ в Иордании. *Вестник МГИМО-Университета* 2(29): 113–119.
- Левин З. И. 1986.** Исламская политическая оппозиция в арабских странах. *Ислам в современной политике стран Востока (конец 70-х – начало 80-х гг. XX в.)* / Отв. ред. Л. Р. Полонская. М.: Наука. С. 190–197.
- Мадини Т. 2014.** «Ал-Хальф ал-мукаддас» байна катар ва Ан-Нахда ва ат-тайарат ат-такфирийа. *Ал-вахда ал-исламийа*. Январь. URL: <https://www.wahdaislamyia.org/issues/145/tmadini.htm>.
- Малков С. Ю., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Кузьминова Е. В. 2013.** О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны. *Полис. Политические исследования* 4: 137–162.
- Мартынкин А. В. 2007.** Особенности политики исламской оппозиции в Египте. *Вестник СевГТУ. Серия Политология* 84: 122–126.
- Мещерина К. В., Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Милокова А. А. 2018.** Гендерные измерения ценностных ориентаций Афразийской зоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 248–295.
- Милославская Т. П. 1982.** Деятельность «Братьев-мусульман» в странах Востока. *Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока* / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. М.: Наука. С. 7–24.
- Новейшая история арабских стран Азии (1917–1985)** / Отв. ред. В. В. Наумкин. М.: Наука, 1988. С. 177.
- Примаков Е. М. 1982.** *Восток после краха колониальной системы*. М.: Наука.
- Ражбадинов М. З. 2004.** *Египетское движение «Братьев-мусульман»*. М.: ИВ РАН.

- Ражбадинов М. З. 2006.** *Умеренный исламизм в Египте: на примере деятельности организации «Братья-мусульмане».* М.: Русский язык.
- Сапронова М. А. 2014.** *Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.).* М.: Ин-т Ближнего Востока.
- Устюгова А. Г. 2014.** Политические последствия «арабской весны» в странах Магриба: демократизация или исламизация? *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.* Серыя 1. *Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія* 3: 35.
- Хайруллин Т. Р. 2017.** Конституция Ливана как гарант хрупкой стабильности политического режима. *Ислам в современном мире* 4: 113–122.
- Хамруш А. 1984.** *Революция 23 июля 1952 г. в Египте.* М.: Прогресс.
- Хизриев А. Я. 2014.** «Братья-мусульмане» в странах Запада: организации и распространение идеологии (Великобритания, Германия, Франция). *Проблемы национальной стратегии* 5(26): 236–250.
- Ходынская-Голенищева М. С. 2018.** *Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений.* М.: МГИМО(У).
- Царегородцева И. А. 2010.** «Братья-мусульмане» и власть в Египте: диалог или противостояние? *Азия и Африка сегодня* 5: 32–36.
- Царегородцева И. А. 2011.** «Братья-мусульмане» и Аль-Азхар о будущем Египта: между западной демократией и исламской теократией? *Ислам в России и за ее пределами: история, общество, культура: сборник материалов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева.* СПб.: Магас. С. 128–134.
- Царегородцева И. А. 2013а.** *Историческое развитие движения «Братья-мусульмане» в Египте.* М.: РГГУ.
- Царегородцева И. А. 2013б.** Политико-правовые концепции идеологов египетского движения «Братья-мусульмане». *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки* 155(3–2): 98–110.
- Царегородцева И. А. 2017.** Исламисты в политике Египта и Туниса после «арабской весны». *Islamology* 7(1): 122–137.
- Abdalla A. 2008.** *The Student Movement and National Politics in Egypt, 1923–1973.* Cairo: American University in Cairo Press.
- Agreement** between the Government of the State of Qatar and the Government of the Republic of Turkey Concerning the Reciprocal Promotion and Protection of investments, 25 December 2001. **2001.** URL: http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/en/qa-tr/trt_qa_tr_001en.pdf.

- Ajmi 2012.** Tunisia: Rached Ghannouchi Visits Qatar. *All Africa* January 3. URL: <https://allafrica.com/stories/201201050897.html>.
- Al-Banna H. 1978.** *Five Tracts of Hassan al-Banna*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Al Jazeera 2010.** Opposition Groups Quit Egypt Runoff. *Al Jazeera* December 2. URL: <https://www.aljazeera.com/news/middleeast/2010/12/2010121145450744767.html>
- Al-Haj S. 2015.** Turkey and Qatar Look to be Building a New Alliance. *Middle East Monitor* March 15. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20150315-turkey-and-qatar-look-to-be-building-a-new-alliance/>.
- Al-Harmi J. 2015.** Qatar and Turkey... Relations that Transcend Traditional Diplomatic Frames. *Yeni Safak* September 10. URL: <https://www.yenisafak.com/en/news/qatar-and-turkey--relations-that-transcend-traditional-diplomatic-frames-2297729>.
- Ali K. 2011.** Muslim Brotherhood to Contest Libyan Elections as Independent Party. *The Tripoli Post* December 24. URL: <https://web.archive.org/web/20150505212829/http://www.tripolipost.com/articledetail.asp?c=1&i=7553>.
- Almeida M. 2017.** What Qatar's Role in Yemen Tells about the Gulf Crisis. *Arab News* June 17. URL: <http://www.arabnews.com/node/1116206>.
- Amer A. A. 2013.** Hamas Ties to Qatar Have Cost. *Al-Monitor* April 22. URL: <https://web.archive.org/web/20160616195431/http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/04/hamas-qatar-relationship-independence.html>.
- Ashour O. 2015.** Between ISIS and a Failed State: The Saga of Libyan Islamists. *Rethinking Political Islam Series*. Brookings.
- Atacan F. 2005.** Explaining Religious Politics at the Crossroad: AKP-SP. *Turkish Studies* 6(2):187–199.
- Aydin-Duzgit S. 2014.** The Seesaw Friendship Between Turkey's AKP and Egypt's Muslim Brotherhood. *Carnegie Endowment* July 24. URL: <http://carnegieendowment.org/2014/07/24/seesaw-friendship-between-turkey-s-akp-and-egypt-s-muslim-brotherhood-pub-56243>.
- Ayesh M. 2018.** Why Jordan Needs Saudi Arabia. *Middle East Eye* June 12. URL: <https://www.middleeasteye.net/columns/why-jordan-needs-saudi-arabia-1254072289>.
- Barfi B. 2014.** *Khalifa Haftar: Rebuilding Libya from the Top down*. Washington, DC: The Washington Institute for Near East Policy.
- Basaran Y. F. 2014.** Exchange of Information Versus Tax Solution of Equivalent Effect. *Turkey's National Report*. URL: <http://www.eatlp.org/uploads/public/2014/National%20report%20Turkey.pdf>.

- Baskan B., Wright S. 2011.** Seeds of Change: Comparing State-Religion Relations in Qatar and Saudi Arabia. *Arab Studies Quarterly* 33(2): 96–111.
- Ben Flanagan M. H. 2013.** Gulf's \$12 bn Aid to Egypt Seen as "Life-line", Not a Cure. *Al-Arabiya* July 11. URL: <http://english.alarabiya.net/en/business/economy/2013/07/11/Gulf-s-12bn-aid-to-Egypt-seen-as-lifeline-not-a-cure.html>.
- Blair D., Spencer R. 2014.** How Qatar is Funding the Rise of Islamist Extremists. *The Telegraph* September 20. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/qatar/11110931/How-Qatar-is-funding-the-rise-of-Islamist-extremists.html>.
- Cafiero G., Wagner D. 2016.** The UAE and Qatar Wage a Proxy War in Libya. *HuffPost*. URL: https://www.huffingtonpost.com/giorgio-cafiero/the-uae-and-qatar-wage-a-_b_8801602.html.
- Chris S. 2014.** War in Libya – the Guardian Briefing. *The Guardian* August 29. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/aug/29/-sp-briefing-war-in-libya>.
- Chumley C. K. 2013.** Muslim Brotherhood: We're 'Willing to Die' for Morsi. *The Washington Times* July 19. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2013/jul/19/muslim-brotherhood-were-willing-die-morsi/>.
- Dagher S., Levinson Ch., Coker M. 2011.** Tiny Kingdom's Huge Role in Libya Draws Concern. *The Wall Street Journal* October 17. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052970204002304576627000922764650>.
- Der Spiegel 2011.** Nato startet Seeblockade gegen Gaddafi. *Der Spiegel* March 23. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/liveticker-libysches-fernsehen-berichtet-von-luftangriffen-auf-tripolis-a-752650.html>.
- El-Yaakoubi A. 2017.** Qatar Crisis Strains Saudi-led Arab Alliance in Yemen War. *Reuters* July 20. URL: <https://www.reuters.com/article/us-gulf-qatar-yemen/qatar-crisis-strains-saudi-led-arab-alliance-in-yemen-war-idUSKBN1A51XM>.
- Engel A. 2014.** *Libya's Growing Risk of Civil War*. Washington, DC: Washington Institute for Near East Policy.
- Erlanger S. 1996.** New Turkish Chief's Muslim Tour Stirs U.S. Worry. *The New York Times* August 10. URL: <https://www.nytimes.com/1996/08/10/world/new-turkish-chief-s-muslim-tour-stirs-us-worry.html?pagewanted=all>.
- Fabbrini S., Yossef A. 2015.** Obama's Wavering: US Foreign Policy on the Egyptian Crisis, 2011–13. *Contemporary Arab Affairs* 8(1): 65–80.

- Fisk R. 2010.** Freedom, Democracy and Human Rights in Syria. *Independent* September 16. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/commentators/fisk/robert-fisk-freedom-democracy-and-human-rights-in-syria-2080463.html>.
- Gidda M. 2014.** Hamas Still Has Some Friends Left. *Time* July 25. URL: <http://time.com/3033681/hamas-gaza-palestine-israel-egypt/>.
- Glenn C. 2017.** Libya's Islamists: Who They are – and What They Want. *Wilson Center* August 8. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/libyas-islamists-who-they-are-and-what-they-want>.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures* 68(7): 471–505.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2018.** *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. Cham; Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer.
- Halverson J. R. 2010.** *Theology and Creed in Sunni Islam. The Muslim Brotherhood, Ash'arism, and Political Sunnism*. New York: Palgrave Macmillan.
- Hannieh H. A. 2018.** Why does Saudi Arabia describe Hamas as a terrorist organisation? *Middle East Monitor* March 9. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20180309-why-does-saudi-arabia-describe-hamas-as-a-terrorist-organisation/>.
- Harris E. 2015.** Why Israel Lets Qatar Give Millions To Hamas. *Parallels* June 18. URL: <https://www.npr.org/sections/parallels/2015/06/18/414693807/why-israel-lets-qatar-give-millions-to-hamas>.
- Harunoglu N. C. 2016.** Turkey's Intensifying Partnership with Qatar and its Implications for Turkish-American Relations. *Middle East Review of International Affairs* 20(3): 1–11.
- Henderson S. 2013a.** *Gulf Aid to Egypt and U.S. Policy*. Washington, DC: Washington Institute for Near East Policy.
- Henderson S. 2013b.** *The Emir of Qatar's Oval Office Meeting*. Washington, DC: Washington Institute for Near East Policy.
- House K. E. 2012.** *On Saudi Arabia: Its People, Past, Religion, Fault Lines and Future*. New York: Knopf.
- Inglehart R. F. 2007.** The Worldviews of Islamic Publics in Global Perspective. *Values and Perceptions of the Islamic and Middle Eastern Publics* / Ed. by M. Moaddel. New York: Palgrave Macmillan. Pp. 25–46.
- Kader M. A. 2013.** Turkey's Relationship with the Muslim Brotherhood. *Al-Arabiya* October 14. URL: <https://english.alarabiya.net/en/perspective/>

- alarabiya-studies/2013/10/14/Turkey-s-relationship-with-the-Muslim-Brotherhood.html.
- Kanat K. B. 2010.** AK Party's Foreign Policy: Is Turkey Turning Away from the West? *Insight Turkey* 12(1): 205–225.
- Kausch K. 2013.** *Foreign Funding' in Post-Revolution Tunisia*. FRIDE working paper. URL: http://fride.org/descarga/WP_Tunisia.pdf.
- Kepel G. 2002.** *Jihad: The Trail of Political Islam*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.
- Ketchley N. 2017.** *Egypt in a Time of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A. 2016.** Egyptian Coup of 2013: An "Econometric" Analysis. *Journal of North African Studies* 21(3): 341–356.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Malkov S. Y., Shishkina A. R. 2013.** Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring. *Central European Journal of International and Security Studies* 7(4): 28–58.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Malkov S. Y., Shishkina A. R. 2014.** The Arab Spring: A Quantitative Analysis. *Arab Studies Quarterly* 36(2): 149–169.
- Laghmari J. 2012.** 'Qatar Giving Tunisia \$1bn Loan, May Provide Jobs'. *Arabian Business* April 26. URL: <https://www.arabianbusiness.com/qatar-loans-tunisia-us-1bn-may-provide-jobs-455537.html>.
- Libya Herald 2012.** National Congress Elects Two Vice Speakers. *Libya Herald* August 8. URL: <http://www.libyaherald.com/2012/08/10/national-congress-elects-two-vice-speakers/#axzz5PBiyYIM0>.
- Lindström M., Zetterlund K. 2012.** *Setting the Stage for the Military Intervention in Libya Decisions Made and Their Implications for the EU and NATO. Decisions Made and Their Implications for the EU and NATO*. Stockholm: Swedish Defence Research Agency.
- Merley S. G. 2011.** *Turkey, the Global Muslim Brotherhood, and the Gaza Flotilla*. Jerusalem: Jerusalem Center for Public Affairs.
- Michaels J. H. 2013.** *The NATO Intervention in Libya: Lessons learned from the Campaign* / Ed. by K. Engelbrekt, M. Mohlin, Ch. Wagnsson. New York: Routledge.
- Middle East Eye 2017.** Qatar and the Gulf crisis: How it's Dividing Yemen. *Middle East Eye* August 15. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/gulf-crisis-yemen-left-even-more-divided-qatar-tension-1001672457>.
- Middle East Monitor 2015.** Morocco Ruling Party Says Independent of Brotherhood. *Middle East Monitor* January 11. URL: <https://www.middle>

- east monitor.com/20150111-morocco-ruling-party-says-independent-of-brotherhood/.
- Ministry of Foreign Affairs 2018.** *Qatar and the World (Bilateral Relations)*. Doha: Ministry of Foreign Affairs Government of Qatar. URL: <https://www.mofa.gov.qa/en/qatar/qatar-and-the-world?country=TR#bilateral-relations>.
- Morocco World News 2011.** The Islamic Scholar Yusuf al-Qaradawi Congratulates the Moderate Islamist PJD for its Win. *Morocco World News* November 28. URL: <https://www.morocoworldnews.com/2011/11/16824/the-islamic-scholar-yusuf-al-qaradawi-congratulates-the-moderate-islamist-pjd-for-its-win-2/>.
- Murphy F. 2011.** Muslim Brotherhood Goes Public with Libya Summit. *Reuters* November 18. URL: <https://www.reuters.com/article/us-libya-muslim-brotherhood/muslim-brotherhood-goes-public-with-libya-summit-idUSTRE7AG2OY20111117>.
- Muslims of Europe Conference 2006.** Challenges and Opportunities. *Muslims of Europe Conference* July 1–2. URL: <http://web.archive.org/web/20070207081012/www.muslimsofeurope.com/invitees.php>.
- Natsios A. S. 2012.** *Sudan, South Sudan, and Darfur: What Everyone Needs to Know*. New York: Oxford University Press.
- OSCE 2010.** Questionnaire on the Code of Conduct on Politico-Military Aspects of Security. *The Permanent Mission of Turkey to the Organization for Security and Cooperation in Europe* June 22. URL: <https://www.osce.org/fsc/86838?download=true>.
- Osman T. 2016.** *Islamism: What it Means for the Middle East and the World*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Özkizilcik O. 2017.** Factions Fighting in the Syrian Civil War. *Bellingcat* April 29. URL: <https://omerozkizilcik.wordpress.com/2017/04/29/factions-fighting-in-the-syrian-civil-war/>.
- Pinfari M. 2013.** The EU, Egypt and Morsi's Rise and Fall: 'Strategic Patience' and Its Discontents. *Mediterranean Politics* 18(3): 460–466.
- Pollock D. 2013.** Is Morocco a Model or a Mirage? *Al-Monitor* March 12. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/03/morocco-king-mohammed-reforms-islamists-pjd.html>.
- Qatar Conferences 2008.** Turkish Foreign Minister Ali Babacan has Highly Highlighted the Progressing Qatari-Turkish Relations. *Qatar Conferences* February 17. URL: http://www.qatarconferences.org/usislamic2008/news_website_details.php?id=15.

- Ramani S. 2015.** Hamas's Pivot to Saudi Arabia. *Carnegie Endowment* September 17. URL: <http://carnegieendowment.org/sada/61315>.
- Rizzo H., Abdel-Latif A. H., Meyer K. 2007.** The Relationship between Gender Equality and Democracy: A Comparison of Arab versus non-Arab Muslim Societies. *Sociology* 41(6): 1151–1170.
- Roberts D. 2011.** Behind Qatar's Intervention In Libya. *Foreign Affairs* September 28. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/libya/2011-09-28/behind-qatars-intervention-libya>.
- Roberts D. 2014.** Qatar and the Muslim Brotherhood: Pragmatism or Preference? *Middle East Policy* 21(3): 84–94.
- Sakthivel V. 2013.** *Morocco's Islamists Rescued from Early Elections*. Washington, DC: The Washington Institute for Near East Policy.
- Salah A. A. 2017.** Haftar and Salafism: A Dangerous Game. *Atlantic Council* June 6. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/haftar-and-salafism-a-dangerous-game>.
- Seale P. 1989.** *Asad, the Struggle for the Middle East*. Berkeley: University of California Press.
- Senem A-D. 2014.** The Seesaw Friendship Between Turkey's AKP and Egypt's Muslim Brotherhood. *Carnegie Endowment for International Peace* July 24. URL: <http://carnegieendowment.org/2014/07/24/seesaw-friendship-between-turkey-s-akp-and-egypt-s-muslim-brotherhood-pub-56243>.
- Shahzad S. S. 2003.** Jordan's Islamic Front rallies Muslims. *Asia Times* March 7. URL: http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/EC07Ak01.html.
- Sherwood H. 2010.** Israel Accused over 'Cruel' Gaza Blockade. *The Guardian* November 30. URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/nov/30/israel-accused-over-gaza-blockade>.
- Sly L. 2012.** Syria's Muslim Brotherhood is Gaining Influence over anti-Assad Revolt. *The Washington Post* May 12. URL: https://www.washingtonpost.com/world/syrias-muslim-brotherhood-is-gaining-influence-over-anti-assad-revolt/2012/05/12/gIQAtIoJLU_story.html?utm_term=.ba432a9405c9.
- The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia. 2018.** Qatar's History of Funding Terrorism and Extremism. Reports. The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia. URL: <https://www.saudiembassy.net/sites/default/files/Fact%20Sheet%20-%20Qatar%E2%80%99s%20History%20of%20Funding%20Terrorism%20and%20Extremism.pdf>.
- The Global Muslim Brotherhood Daily Watch. 2015.** 13th Palestinians in Europe Conference; Berlin Event Features More Of The Same. *The Global Muslim Brotherhood Daily Watch* June 15. URL: <https://www.global>

mbwatch.com/2015/06/15/13th-palestinians-in-europe-conference-berlin-event-features-more-of-the-same/.

The Global Muslim Brotherhood Daily Watch. 2016. Moroccan Party Close to Global Muslim Brotherhood Wins Parliamentary Elections. *The Global Muslim Brotherhood Daily Watch* October 12. URL: <https://www.globalmbwatch.com/2016/10/12/moroccan-party-close-to-global-muslim-brotherhood-wins-parliamentary-elections/>.

The New York Times 2013. Qatar Doubles Aid to Egypt. *The New York Times* January 9. URL: <https://www.nytimes.com/2013/01/09/world/middleeast/qatar-doubles-aid-to-egypt.html>.

The Telegraph 2011. Islamists in Morocco Election Claim ‘Historic’ Vote Breakthrough. *The Telegraph* November 26. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/morocco/8917595/Islamists-in-Morocco-election-claim-historic-vote-breakthrough.html>.

Today’s Zaman. 2008. Turkey Accelerates Efforts for LNG Purchase from Qatar. *Today’s Zaman* April 15. URL: http://www.todayszaman.com/diplomacy_turkey-accelerates-efforts-for-lng-purchase-from-qatar_13_9040.html.

Ünal A. 2014. Turkey, Qatar Have Constructive Influence in Region, Says Envoy. *Daily Sabah* May 8. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/2014/05/09/turkey-qatar-have-constructive-influence-in-region-says-envoy>.

Uslu N. 2003. *The Turkish-American Relationship between 1947 and 2003: The History of a Distinctive Alliance*. New York: Nova Science Publishers.

Viala B. 2017. Why Are Qatari-Turkish Relations Unique? *Indrastra* January 11. URL: <https://www.indrastra.com/2017/01/OPINION-Why-are-Qatari-Turkish-Relations-Unique-003-01-2017-0033.html#axzz5OL6hNNmM>.

Walker P. 2011. Qatari Military Advisers on the Ground Helping Libyan Rebels Get into Shape. *The Washington Post* May 11. URL: https://www.washingtonpost.com/world/middle-east/qatari-military-advisers-on-the-ground-helping-libyan-rebels-get-into-shape/2011/05/11/AFZsPV1G_story.html?utm_term=.bc70451c6bfb.

Wikileaks 2013. [OS] LIBYA/QATAR/ECON – Libyan Rebels Reach out to Qatar for Banking Lifeline. *WikiLeaks*. URL: https://wikileaks.org/gifiles/docs/13/1374177_-os-libya-qatar-econ-libyan-rebels-reach-out-to-qatar-for.html.

Wright R. 2008. *Dreams and Shadows: The Future of the Middle East*. New York: Penguin Press.

Yaghi M. A. 2018. *Comparative Analysis of the Role of Saudi Arabia, Qatar and United Arab Emirates in the Syrian Crisis*. Paper presented at 2018 Gulf Research Meeting. 31 July – 3 August 2018, University of Cambridge.

- Yalçın S. 2012.** Erbakan – İhvan İlişkisi. *Turktoresi* July 29. URL: <http://www.turktoresi.com/viewtopic.php?f=214&t=10225>.
- Yegin M. 2016.** Turkey's Reaction to the Coup in Egypt in Comparison with the US and Israel. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies* 18(4): 407–421.
- Yom S. L. 2012.** The Survival of the Arab Monarchies. *Foreign Policy* November 12. URL: <https://foreignpolicy.com/2012/11/12/the-survival-of-the-arab-monarchies/>.
- Zollner B. 2009.** *The Muslim Brotherhood: Hasan Al-Hudaybi and Ideology*. New York: Taylor & Francis US.